

УСКОЛЬЗАЮЩАЯ ТЕНЬ

«CPFANTASTIKA»

КРИС

ОТ ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ АРТУРА КЛАРКА

ВУДИНГ

Крис Вудинг
Ускользящая тень
Серия «СРFantastika»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6449687

Ускользящая тень: фантастический роман: Центрполиграф; Москва;

2014

ISBN 978-5-227-04709-0

Аннотация

Ослепительный солнечный свет губителен для жителей планеты Каллеспы. В подземных пещерах, освещенных фосфоресцирующими грибами, не прекращается война между племенами за приграничные территории – бесплодные земли, сталактитовые леса и бездонные озера. Эскаранка Орна, храбрый воин Кадрового состава, попадает в плен и оказывается в тюрьме. Изматывающая работа в кузнице лишь заглушает тоску по мужу и сыну, но не лечит. Во что бы то ни стало Орна должна вырваться из гуртского плена. Однако возвращение домой оборачивается полной катастрофой. Неожиданное предательство переворачивает привычный мир с ног на голову.

Содержание

Глава 30	6
Глава 29	20
Глава 31	33
Глава 28	47
Глава 27	61
Глава 32	75
Глава 26	87
Глава 25	104
Глава 24	116
Глава 23	129
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Крис Вудинг

Ускользающая тень

The Fade Copyright © Chris Wooding 2007

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 30

Его колено вырывается из-под моей ноги, но я хватаю его за голову и сворачиваю шею, прежде чем он успевает почувствовать боль. Отпускаю его и отхожу, а он валится на землю, будто пустой мешок. Бывает и труднее – иногда они неожиданно уворачиваются или стремительно отражают удар. Но чаще всего дело простое – не труднее, чем с манекенами на тренировке.

Когда я в боевом трансе, смотрю на всё как будто со стороны. Равнодушный наблюдатель. Одна часть меня, холодная и расчётливая, руководствуется только правилами и приёмами, знакомыми как свои пять пальцев. Другая часть – весь мой страх, гнев, горечь, соединившиеся в одно чувство, названия которого мне не найти. И оно пылает, будто мощнейшее топливо. Нам не запрещают испытывать эмоции, просто нужно их сдерживать и давать волю ярости, только если имеешь дело с врагами хозяев.

Вокруг оглушительный шум битвы. Мы скатываемся по склону, подобно волне, все двадцать человек. Огибаем блестящий горный хрусталь, проходим под арками из сталактитов. Минералы под подошвами ботинок крошатся, словно сахарные леденцы. Обхожу острые прозрачные шипы, способные проткнуть человека насквозь. Спуск становится всё круче, и мы несёмся вниз на бешеной скорости.

Воздух разрывает грохот осколочной пушки. Мужчине справа от меня очередь прошивает грудь, его вскидывает и отбрасывает назад. От выстрелов лес из кристаллов разлетается в мерцающую пыль. Задерживаю дыхание. Сейчас дышать опасно – можно сильно повредить лёгкие.

Мы надеялись, что они не успеют развернуть пушку. Взяв высоты и обойдя группу с флангов, рассчитывали, что элемент внезапности нам поможет. Лес разлетается на куски, каменные осколки пронзают солдат Эскарана, а я чувствую тошнотворный страх.

Три секунды, и мы сходимся с врагом. Вверх по холму навстречу нам взбегают другие гурта – зубы оскалены, ножи сверкают. Артиллеристы стреляют по своим же собственным солдатам. Они несут потери, но подкрепление всё прибывает и прибывает.

Один из гурта выделил меня из толпы – видно, заметил, что я из Кадрового состава, к тому же маленького роста и худенькая. Похоже, решил, что я менее опасна, чем мужчина вроде Ринна. В этом его ошибка. Уклоняюсь влево, потом отталкиваюсь и подскакиваю высоко вверх. Разворачиваюсь в воздухе, и моя нога ударяет ему в челюсть. Слышу, как треснула кость. Приземляюсь и бегу дальше. Вряд ли я его убила. Ну и ладно, не важно. С ним разберётся кто-то другой. А мне надо добраться до пушки. Ненавижу пушки.

Проходит ещё две секунды.

Теперь сквозь сталактитовые деревья видно озеро. Во-

да очень яркая – её подсвечивает фосфорическим сиянием планктон. Хрустальный лес тоже светится. А высоко над головой на тёмном своде пещеры искрится лишайник.

Одна секунда.

Лес вокруг меня опять начинает разлетаться на куски, пронзительно визжат снаряды, сталактиты бьются, будто стекло. Пушка стреляет в мою сторону, я выбираюсь из леса и утыкаюсь прямо в дуло.

Отскакиваю вправо и пригибаюсь. Каждая прожитая мною секунда – чудо. Осколки невидимыми иглами пронзают воздух. В этот нескончаемый момент я целиком завишу от воли случая – куда полетят снаряды, не отскочат ли рикошетом в мою сторону. Наконец сталактитов больше не остаётся. Окаменевший белый лес рушится, а я до сих пор жива.

Врагов всего шестеро. Двое около пушки, четверо выжидают, зажав в руках ножи. Перекрикиваются на этом своём мерзком диалекте, хором отдают противоречивые приказания – в общем, дисциплины никакой. Только услышу эти их протяжные, певучие согласные, в животе всё будто узлом скручивается. Давний страх, стыд, боль. Сосредотачиваюсь и направляю все эти чувства на врага.

Из наших я первая добралась так далеко, почти до самой пушки. Жалкая стенка из камней, которую гурта построили в качестве заграждения, меня, конечно, не останавливает. Наоборот, я использую её как трамплин – взбегаю вверх и прыгаю прямо на них. Моя цель – стрелки. Одному пере-

резаю горло, под коротким клинком мышцы и хрящи расходятся легко. Это хтономантический обсидиан – разрезает плоть, будто масло.

Вскоре подтягиваются остальные. К этому времени я уже успела ослепить второго стрелка и сломать ему таз коленом. Другие гурта даже приблизиться ко мне не могут. Реагируют они слишком медленно, по движениям заранее видно, когда они собираются нанести удар. Я опережаю врага на несколько шагов.

Пушка затихла, её вращающийся ствол замер. Отхожу в сторону, чтобы не мешать атаке солдат Эскарана. Гурта сопротивляются, но ничего поделать не могут. Проходит всего несколько минут, и противник разгромлен.

Теперь подсчитываем потери. Трое убито, один ранен, остальных оцарапало осколками. Я легко отделалась – всего штук десять царапин, ничего серьёзного. Могло быть и хуже.

Пока мужчины перегруппируются, присаживаюсь на стену у дальнего края и смотрю на озеро. Вдалеке от берега плавают эхру, их щупальца поднимаются, колышутся, соприкасаются. Эхру переливаются всеми цветами радуги. Их не волнует, что рядом умирают люди. Невольно засмотревшись, наблюдаю за ними несколько секунд и только потом перевожу взгляд на выстроившиеся внизу войска.

Основные силы Эскарана размещаются около озера. Приходится сражаться с врагом за каждый шаг вперёд. Наших – человек четыреста, не меньше. И всё ради того, чтобы захва-

тить крошечный порт под названием Корок, который гурта отобрали у нас шестьдесят лет назад. Военное правление думает, что Корок для нас очень важен, его можно использовать в более серьёзных операциях, но меня это не интересует. Я просто делаю, что велют. Моё место – суша, точнее, те её участки, что возвышаются над берегами. Наша задача – обеспечить безопасность войск и обезвредить пушки, из которых враг бьёт по нам. Пока справляемся неплохо.

Прищурившись, стараюсь разглядеть в хаосе битвы Ринна. Но найти его в толпе не могу, хоть он и выше других. Вот Вамса из Кадрового состава клана Кессин. Она кидается то в одну сторону, то в другую, хлеща противника хлыстами с отравленными наконечниками. А это, конечно, Джатти – кто же ещё? Легендарный боец-танцор, его смертоносный акробатический танец ни с чем не спутаешь. Ринна так и не видно.

Наши войска рвутся к земляным укреплениям гурта, их траншеям и редутам. Эта линия – последнее препятствие на пути к порту. Слышу резкий выстрел осколочной пушки, и целая группа крошечных человечков внизу валится на землю. Над ними пролетают две наши чернокрылки, похожие на воздушных змеев, пилоты привязаны ремнями к рамам, двигательные установки выплёвывают в темноту искры. С чернокрылок сбрасывают на гурта мешки со взрывчаткой, те разбегаются врассыпную.

Наши заклинатели камня держатся в стороне, их охраня-

ют закованные в прочную броню всадники верхом на край-
лах. Наблюдаю, как часть земляного укрепления взлетает
вверх и обрушивается, похоронив врага под тоннами земли.
Спору нет, гурта – противники яростные, но их Старейшины
ничего не могут противопоставить магии заклинателей.

Оборона гурта начинает сдавать. Я, конечно, не тактик, но
даже я вижу, что надеяться им не на что. Невесело улыбаюсь.
Отлично. Посмотрим, как эти высокомерные твари запоют
после такого разгрома.

И тут замечаю на крутом берегу озера всадника, его си-
луэт чётко выделяется на фоне кристаллических образова-
ний. Он идеально прямо сидит в седле верхом на существе,
напоминающем летучую мышь, – гурта все на таких ездят. В
руках у него подозрная труба.

Но смотрит он не на сражающихся, а на озеро.

– Эй! Белама! Где подозрная труба? – обернувшись, кричу
я.

Солдаты как раз нацеливают осколочную пушку на зем-
ляные укрепления гурта. С такого расстояния попасть ку-
да надо почти невозможно, зато хоть немного отвлечём вра-
га. Белама бросает мне подозрную трубу, я ловлю её на ле-
ту и всматриваюсь в горизонт. Пещера гигантская, на боль-
шой глубине они почти все такие. Даже потолок разглядеть
невозможно, не говоря уже о дальней стене.

Но корабли вижу сразу. Блестящая обшивка, острые носы
– вот они скользят по озеру на бесшумных хтономантиче-

ских двигателях. Всего корабля три, на каждом может уместиться сто человек, а может, и больше. Высматриваю всадника, но тот исчез. Теперь понятно, что он тут делал.

Ждал нужного момента. Готовился к атаке.

Вдруг до меня доходит, что они затеяли. Корабли пристанут к берегу за спинами у воинов Эскарана и войдут в порт, прямо к гурта. А всадник приведёт сверху подкрепление, которое и подойдёт к нам с фланга, когда мы будем отступать.

Мы-то считали, что порт почти не охраняется, однако для врага Корок гораздо важнее, чем нам казалось. И теперь мы в ловушке.

За спиной у меня застрекотала пушка, но я уже несусь вниз по склону к берегу озера. Говорю себе, что просто исполняю свой долг, — я ведь обязана доложить об увиденном Военачальнику. Но на самом деле как раз об этом думаю меньше всего. Нужно срочно найти Ринна.

Вражеские укрепления берём одно за другим, а я кое-как съезжаю вниз, к воде. Земля идёт под уклон, всё кругом покрыто лишайником и грибами на высоких ножках. Я слишком спешу, меня угрожающе заносит, врезаюсь в колонию грибов-дождевиков и оставляю за собой облако спор.

Добираюсь до берега, земля здесь выравнивается. Под ногами растоптанные плесневые грибы. Среди них лежат убитые и раненые.

На раненых смотреть тяжелее всего. Убитые — другое дело, у них будто пропадает какая-то очень важная часть, без

которой они вроде бы не совсем люди. А вот живые чувствуют боль, кричат, шевелят остатками оторванных конечностей.

Одним товарищи помогают. Другим – нет. Я уже побывала во многих битвах и знаю, что всем не поможешь, как ни старайся. Иначе с ума сойдёшь. Пробегаю мимо раненых и умирающих, стараясь не обращать внимания на их крики. Я здесь ради одного-единственного человека, поэтому прокладываю себе путь в толпе бегущих солдат и ищу его.

Наши силы наступают и увлекают меня за собой. Он наверняка в авангарде, ведёт людей в атаку. Он же из Кадрового состава. Это наша работа. Мы должны вдохновлять солдат, показывать им пример. Мы элита, герои.

На самом деле это всё, конечно, ерунда. Никакие мы не герои. Просто очень хорошо обучены убивать.

Прорываюсь сквозь толпу. Солдаты кричат до хрипоты, заранее предвкушая победу. На бегу они ликующе вскидывают оружие в воздух – зазубренные клинки, секачи, складные луки из древесных корней. Хочу крикнуть, что они все ошибаются, что враг их обхитрил, но это не поможет. Нужно поговорить с кем-то поглавнее. Кадровый состав обычно тактическими вопросами особо не занимается – просто кидаемся в самую гущу и разбираемся на месте. За это солдаты и восхищаются нами больше, чем Военачальниками, или Командующими дивизиями, или заклинателями камней. Мы такие же, как они. Сражаемся наравне с ними, тоже выпол-

няем приказы и тоже погибаем.

Перелезаю через разрушенные укрепления. Всюду валяются убитые гурта. Шлемы из панцирей насекомых разбиты, доспехи залиты кровью. Бледная кожа усыпана чёрной землёй. Из воронок поднимается дым, кругом куски человеческой плоти.

Бой возобновился, на этот раз среди строений крошечной припортовой деревни. С тех пор как гурта захватили Корок, всё кругом пришло в запустение. На этом каменистом холмике посыпанные гравием дорожки выются между домами с потрескавшимися стенами. Несколько пристаней выдаются в озеро. На границе таких мест полно – безрадостных, ничем не украшенных. Единственное их назначение – служить укреплённым торговым портом. Говорят, Корок нам необходим, потому что на этом берегу озера только здесь можно выгружать тяжёлые грузы, но, по-моему, это просто вопрос престижа. Гурта отняли у нас Корок. А мы теперь возвращаем его.

Наконец оказываюсь в авангарде. Строй солдат растекается между зданий. В руинах таверны и Дома Света прячутся лучники. Свет уже почти погас, гурта так ни разу и не поджарили светящийся камень на вершине башни. Поэтому теперь в городе всегда сумрачно.

Грубо хватаю за руку пробегающего мимо солдата. Тот оборачивается, рассерженный, что его задерживают. Потом замечает отметину на моём голом плече. Знак Кадрового со-

става, а в центре его – эмблема моего клана. Парень сразу понимает, кто перед ним.

– Кто твой командир? – спрашиваю я.

Тот называет какое-то имя. Я даже не слушаю.

– Разыщи его. Скажи, чтобы уводил людей. Гурта подходят с озера. И с верхних точек. Они нас всех уничтожат.

В глазах солдата мелькает страх. Теперь уверенность в победе сменилась испугом.

– Скажи, что это я тебя послала, – прибавляю я.

Тот спешит исполнить приказ, я тоже уношусь стремглав. Да, я поступила неосмотрительно – нельзя было передавать такое важное сообщение простому солдату, следовало доложить об увиденном самой, но у меня сейчас другие проблемы. В любом случае Военачальник скоро узнает о засаде. А мне нужно предупредить Ринна. Когда всё начнётся, я должна быть рядом с ним.

Не могу избавиться от тревожного предчувствия. Кажется, будто на меня несётся что-то огромное, тёмное, удушающее – не хватает воздуха.

Ничего не могу с собой поделать – я напугана до полусмерти.

Здания построены из тёмного камня и дерева, все они низкие и неказистые. Строили их из чего попало – вот кривобокий дом, унылая таверна, безликие административные здания, склады. И всё это в полуразрушенном состоянии после последнего нападения гурта.

Стараюсь держаться поближе к стенам. Вражеские лучники подстрелят любого, у кого хватит ума выскочить на открытое место. На моих глазах нашему солдату в грудь вонзается стрела. Протыкает его насквозь, наконечник показывается из спины. Пытаюсь не думать, каким сильным был выстрел. Луки гурта этим славятся.

— Где Ринн? — спрашиваю солдата, сидящего на корточках в дверном проёме. Он подпрыгивает от неожиданности и замахивается на меня ножом, но я перехватываю его руку, качая головой, и тот соображает, что я своя. Повторяю вопрос. Солдат отвечает. Ринна знают все. Не заметить его трудно.

Яростная схватка кипит во дворе между несколькими самыми большими зданиями. Гурта засели там за баррикадой из разного рода обломков. Глупая идея — защищать позицию, открытую со всех сторон, но гурта много чего странного делают. Даже я их не всегда понимаю, хоть и разбираюсь в них лучше других.

Прибегаю и вижу, что битва уже почти закончена. Всех лучников в окружающих зданиях ликвидировали, и в дело вступили меченосцы Эскарана. Над ними возвышается Ринн, люди ориентируются по нему, словно корабли по свету маяка. В каждой руке у него по топору, Ринн размахивает ими направо и налево. Он далеко не самый ловкий боец Кадрового состава, однако в его боевой технике есть что-то такое, отчего он кажется неуязвимым. На самом деле топорами он машет довольно медленно, и всё равно враг даже близко

подойти боится. Ринн движется неумолимо, будто лавина.

Вижу его и невольно улыбаюсь. Но через секунду вспоминаю, для чего я здесь, и улыбка исчезает.

Подхожу. Мне сражаться не с кем. Баррикаду разгромили. Гурта сами по себе высоким ростом не отличаются, а рядом с Ринном они просто карлики, потому и не решаются с ним схватиться. Пробиваюсь сквозь толпу солдат Эскарана, уже почти добралась до него, и тут Ринн меня замечает. Широко улыбается. Белые зубы сверкают на фоне чёрной колючей бороды...

...Следующее, что помню, – лежу на земле, а в ушах звон стоит от высокого, пронзительного звука. Я полностью дезориентирована, могу только моргать. Я вся в чём-то влажном. Постепенно прихожу в себя и вспоминаю, что меня как будто ударила огромная рука. А потом хаос, беспорядочные движения, яркий свет...

Шея как деревянная. Всё онемело, всё болит, даже не могу сообразить, ранена я или нет. Кто-то лежит прямо на мне, уткнувшись лицом мне в грудь. То есть не лицом, а тем, что от него осталось.

Единственное моё желание – стряхнуть с себя эту страшно оскаленную маску без нижней челюсти. Сбежать из-под пустого взгляда мёртвых глаз, которые будто умоляют меня что-то сделать, предотвратить эту катастрофу. Изнемогая от отвращения, сталкиваю с себя солдата. Отползаю назад, но

во что-то врезаюсь. Знаю, что это тоже труп, поэтому даже не оборачиваюсь. От заунывного звона в ушах кажется, будто всё это происходит далеко и с кем-то другим.

Встаю на колени и приподнимаюсь. Дома исчезли. Земля усыпана телами убитых. Несколько человек, подобно мне, понемногу шевелятся, остальные неподвижны. Сначала даже сомневаюсь – вдруг я уже в другом месте, а не там, где была до того, как случился...

...взрыв...

И вдруг на меня безжалостно нахлынули воспоминания. Теперь понятно, почему гурта обороняли двор вместо того, чтобы отступать. Это была ловушка. Они заманили сюда как можно больше наших, а потом всё взорвали.

Вижу вдалеке наших. Войска в смятении. В город войти бояться, опасаясь новых взрывов, но и отступать не могут. Подкрепления гурта мчатся вниз по склону прямо на них. Теперь вражеские корабли видно издалека, они уже почти причалили к берегу.

Врагов намного больше, чем нас. Сейчас начнётся резня.

При этой мысли вспоминаю, что должна сделать и почему я в городе, а не наверху, как приказано. Страх придаёт сил, встаю и, пошатываясь, бреду среди трупов и оторванных конечностей, пока не отыскиваю его.

Он лежит на спине и смотрит вверх невидящим взглядом, массивное тело покинула бьющая через край энергия, так хорошо знакомая мне ещё с подросткового возраста. Ни одной

раны не видно. Но он мёртв.

Все силы тут же покидают меня. Будто какая-то сила прижимает к земле, и бороться с ней я не в силах. Опускаюсь на него, кладу голову ему на грудь, но родное сердце не бьётся. Глаза закрываются сами собой, и я понимаю, что пострадала гораздо серьёзнее, чем мне поначалу казалось. Я тоже умираю, в этом нет сомнения. Но ничего страшного. Жить я больше не хочу.

Ринн.

Он убит.

Мой муж.

Глава 29

Понятия не имею, где я.

Взгляд не фокусируется. Ощущаю тяжесть во всём теле, словно на каждой мышце лежит тяжёлый груз. Даже поднять руку для меня сейчас невыполнимая задача.

Тут темно, а сверху ещё нависла какая-то тень. Большая, широкая, как у Ринна. Запах кислый – засохший пот, рана, которую никто не лечит, дыхание больного.

Во рту пересохло. Уголком левого глаза замечаю свет. Слегка поворачиваю голову, ища источник. Вот оно, размытое пятно.

– Ооо аакиии ууу?

Сглатываю, но это не помогает. Только спустя некоторое время понимаю, что услышанный мной протяжный звук – это человеческий голос. Выводы делать я не в состоянии. В голову приходит какая-то мысль, но тут же ускользает. Мысли расползаются в стороны, как змеи.

– Омиии еее ууииик.

Голос низкий, мужской, мне слышится в нём что-то угрожающее, но что именно, не пойму. Всё происходит медленно. Моё восприятие не поспевает за его движениями.

Внезапно делаю глубокий вдох. Не могу удержаться, чувствую себя, будто только что тонула. Мне необходим свежий воздух. Отворачиваюсь от света, но теперь ничего не могу

различить.

Чувствую, что лежу на чём-то твёрдом. Это земля. Мужчина сдвигается в сторону, и только тут понимаю, что встать мне мешает не только слабость. Он сидит у меня на ногах. Одна рука держит меня за плечо. Вторая гладит по щеке.

Мгновенно прихожу в себя. Откуда-то берутся силы. Кожей ощущаю – мне грозит какая-то опасность. Вот только не соображу какая. Мозг не работает, зато тело подсказывает, что делать.

Что со мной? Что-то не так!

Меня куда-то тащат, мои ноги поднимают, опускают, затем снова поднимают. Кто-то меня держит. На уровне пояса как будто что-то ползёт, потом мужчина откидывает этот предмет в сторону. Смотрю туда, перед глазами после контузии до сих пор всё плывёт.

Это мой ремень.

Чую запах мужского пота. Очень едкий. Застарелый, смешанный со свежим. Одежда сырая, нестиранная. В этом месте жарко, как в духовке. Издаю какие-то тихие хрипы, сама не осознавая, что именно хочу выговорить.

Меня опускают вниз. Оказываюсь на спине. В голове оглушительно звучит сигнал тревоги, слабость молниеносно сменяется отвращением. Происходит что-то очень плохое, но что именно – не знаю. Пытаюсь вывернуться, но бесполезно – меня снова прижимают к земле. Он ухватил меня за бёдра.

– Даааааа лежжжжжи ты сммммирррно...

С меня снимают брюки.

В действие вступает какой-то природный инстинкт, заставляющий меня брыкаться и сопротивляться непонятно чему. Ударяю мужчину ногой, и тот хрюкает. Через секунду он дает мне такую пощёчину, что моя голова сразу разворачивается в другую сторону, туда, где свет. Перед глазами пляшут белые звёздочки.

При свете замечаю, что здесь есть и другие люди. Смутные силуэты в углах.

Но они-то почему ничего не предпринимают?

Постепенно все пять чувств возвращаются. Теперь вижу мужчину яснее. Одной рукой вцепился в пояс моих брюк и пытается их стянуть, я брыкаюсь. Он пытается удержать меня другой рукой. Мужчина крупнее меня, но слишком неуклюжий, а моя ловкость, наоборот, восстанавливается. Он всё никак не может справиться с моей одеждой, я же ещё и сопротивляюсь. Мужчина снова бьет меня по лицу.

На этот раз оглушить меня не удаётся. Бью в ответ. Мужчина отодвигается, хватается за горло и хрипит. На полноценный удар сил не хватает, но и этого достаточно. Упираюсь ногой ему в грудь и отпихиваю в сторону. Он тяжёлый, но не сопротивляется и покорно ковыляет прочь, потом спотыкается и оседает на пол, заходясь в кашле. Судя по дыханию, трахею я ему не повредила, но нормально говорить в ближайшее время он не сможет.

Разум вновь соединяется с телом. Сознание проясняется.

Приподнимаюсь, прислоняюсь спиной к стене и одной рукой подтягиваю брюки.

Оттолкнувшись пятками, умудряюсь сесть прямо, хотя от усилий чуть снова не теряю сознание. Камень влажный и тёплый. Высматриваю нападавшего, но тот отполз в тень. Искать неохота – вроде бы почти не двигалась, а устала.

Снотворное, догадываюсь я. Они меня усыпили. А потом доставили сюда.

Пробуждаются слабые воспоминания. Так рыбки всплывают на поверхность, если бросить им хлебные крошки. Вспоминаю плеск воды, скрип деревянных снастей, покачивающийся гамак. Кандалы на запястьях. Смотрю на руки и вижу следы. Да, вот такие у гурта кандалы, с зазубринами внутри. Пытаешься снять – только сильнее вонзаются в руки. Я, наверное, была умницей – не пыталась. Порезы неглубокие. Так что с руками всё в порядке.

Вспоминаю звуки голосов – гурта смеются, кричат, перешучиваются. Иногда они обращаются ко мне на своём языке – думают, не понимаю. Оскорбляют, издеваются. Надеюсь, мне хватило ума промолчать. Скорее всего, хватило. Ни к чему им знать, что я владею их языком.

Плыли, наверное, долго. Воспоминаний много, явно какое-то время прошло. Вот мы плывём через пещеры. Мимо кристаллических образований и гигантских грибов. А потом – скрип телеги... Да, точно, припоминаю... Меня везли в клетке, а клетка стояла на телеге. Ехали по дорогам,

выровненным заклинателями камня, все острые камни убраны и сглажены Старейшинами гурта. Дальше мы пересекали каменный мост над пропастью, на дне которой светилась красная раскалённая магма. Проезжали мы и через туннель в скале, очень широкий, все стены в фосфоресцирующих водорослях, которые до сих пор кормятся останками древних монстров, хотя те вымерли уже много тысяч лет назад. Потом туннель расширился ещё больше, и мы выехали в гигантскую пещеру цилиндрической формы. Даже дальней стены было не разглядеть.

Помню, как они меня кормили, а я ела, слишком одурманенная, чтобы сообразить – в еду подмешана новая доза снотворного. Должно быть, корень расщепника или масло чамы. А может, ещё какое-нибудь гуртское растение, о котором я даже не слышала.

Вспоминаю, как они все стояли вокруг меня и смотрели. Бледные, худые, почти изящные, глаза у всех голубые. Голова высокие, напевные. У одного нижнюю часть лица закрывала грязная маска, и он меня осматривал.

Больше ничего не помню.

Ну, хоть одно ясно. Я в тюрьме. Пещера неровной формы – значит, скорее всего, естественная. Старейшины таких кривых стен не делают. В глазах всё ещё мутно, но насчитываю в камере не меньше десятка заключённых. Сидят кто где, одни спят по углам, другие разговаривают, третьи просто пялятся на меня. Некоторые расположились на каком-то

тряпье и одеялах, которые, судя по всему, бдительно охраняют от любых поползновений.

Здесь жарко. От стен идёт тепло. Это может значить одно из двух – либо мы очень глубоко под землёй, либо рядом проложенный лавой канал или какая-нибудь трещина, из которой валит пар. В потолке дыра с решёткой, сквозь неё проникает свет факелов. Других выходов что-то не видно. Но отверстие, закрытое прутьями, высоко. Сквозь него ничего не разглядишь.

Пытаюсь встать и резко втягиваю воздух, спина отзывается острой болью. Поняла – лучше и не пытаться. Аккуратно устраиваюсь поудобнее и слежу за остальными – вдруг ещё кто-то ко мне полезет? Нет, вроде никто не хочет. Ну и отлично.

Действие снотворного заканчивается, и в голове проясняется всё больше. Надо бы заняться медитацией чуакин, это поможет. Если б они меня подобрали, когда я была в сознании, я бы с помощью медитации могла противостоять действию любой травы. Но не могу сосредоточиться. Что-то меня тревожит, что-то очень важное. В таком состоянии медитировать невозможно.

И тут вспоминаю.

Ринн мёртв.

Рыдаю, пока не захожусь в истерике.

Дальше всё снова в тумане. Звуки как будто сквозь вату

проходят. Всё вокруг мрачно, размыто, кругом чужие люди, занимающиеся непонятными делами. Чувствую себя так, будто умерла. Лучше бы действительно умерла.

Приходят гурта и приносят лестницы, один за другим заключённые вылезают из этой дыры. Я тоже лезу. Принимать сознательные решения нет сил, поэтому делаю то же, что и все.

На охранниках такие же доспехи, как и на солдатах во время битвы. Сделаны они из затвердевших выветрелых пород. Мы эту технологию так и не освоили, но метод хороший – материал получается очень лёгкий и вместе с тем прочный. Доспехи белые, с лёгким радужным отливом, и плотно облегают их тощие тела. Щитки тоже совсем узкие. На поясах тонкие мечи.

Вылезаю в коридор, и всех нас, угрожая клинком, сгоняют в толпу. Оказываемся в жаркой, тёмной пещере. Скальные породы образуют карнизы и впадины, стену опоясывает деревянный настил, на вид кажущийся ненадёжным. Наверх ведёт лестница. Тяжёлые решётки из чёрного металла обозначают входы в другие камеры – одни в полу, как наша, другие в стенах. За ними вижу людей, их пальцы сжимают прутья, на грязных лицах – отчаяние.

Бреду, словно лунатик. Ни с кем не разговариваю, и со мной никто не говорит, только охранники гурта выкрикивают приказы на ломаном эскаранском. Тот самый мужчина тоже с нами, мрачно смотрит на меня. Здоровенный, весь по-

крыт мускулами и жиром, уже начал лысеть, в нижней губе два кольца. Синяк у него расплылся на всю шею. Маленькие глазки злобно смотрят исподлобья.

Нас ведут по лестницам, потом по пещере, затем по широким каменным коридорам. Освещение плохое, всё кругом неухоженное, обшарпанное. Иду, опустив голову, по сторонам почти не гляжу. Проходим по мосту над помещением, где другие заключённые вертят мельничные жернова – делают хлеб из спор.

Вскоре останавливаемся перед массивной железной дверью. Один из гурта отпирает её большим ключом, и дверь распаивается. Изнутри пахнуло сухим, обжигающим воздухом, будто духовку открыли. У меня даже волосы зашевелились. Всех озаряет красным светом.

Заходим внутрь.

Кузница – царство грохота, пота и пламени. Раскалённые реки расплавленного металла, звон цепей, шум ворота, стук, невыносимая жара. Из огромных чанов выливают металл, от него валит пар и летят искры. Грязная светящаяся жидкость ползёт по траншеям, среди чёрных пятен на поверхности мелькают огненные всполохи. Мужчины в капюшонах из звериной кожи и защитных очках очищают металл и крутят колёса, по мускулистым рукам струится пот.

Меня ставят к агрегату, назначение которого мне неизвестно. Другой заключённый стоит напротив меня по другую

сторону каменной траншеи. По ней льются отвратительно воняющие, пузырящиеся отходы. Траншею перегораживает двойной барьер, две тяжёлые металлические решётки. Наша работа – то поднимать их, то опускать, при этом одна рука должна двигаться вперёд, вторая назад. Ощущение, будто распиливаешь полено в двух местах одновременно. Работа однообразная и, кажется, вовсе бессмысленная. Плечи ноют, спина болит, однако продолжаю делать что велят. Не нахожу в себе силы воспротивиться, вся воля куда-то подевалась.

После первой смены рук не могу поднять. Во вторую стараюсь ещё сильнее. Эта боль нужна мне. Я хочу её почувствовать. Это наказание за то, что я выжила.

Мальчик, с которым я работаю, – представитель расы, которую мне раньше видеть не приходилось. Однако слыхала я о них предостаточно. Это один из Далёких, Дитя Солнца. Кожа темнее масла, глаза такие тёмные, что зрачки кажутся огромными. Сам маленький, худой, спутанные волосы падают на лоб. Лет семнадцать-восемнадцать, не больше. Даже уши ещё не зажили. Дети Солнца отрезают мальчикам заднюю часть ушей так, что они на плавники похожи. Это у них такой обряд инициации, посвящение в мужчины.

При нормальных обстоятельствах мне было бы очень интересно. Захотелось бы расспросить его как следует, разузнать, как он тут оказался, из каких он мест, какие у них традиции. Всегда была любопытна. Потому мне и нравилось общаться с Лисс и Кастой, хотя всех остальных их несконча-

емые сплетни только бесили. Но теперь мое любопытство умерло, как и все другие чувства.

Парень тоже молчит. Пару раз замечала, как он на меня смотрит, но стоит мне поднять глаза, тут же отводит взгляд. Выражение его лица разгадать не могу – то ли сочувствие, то ли опаска, то ли просто равнодушие. Но я благодарна, что он, по крайней мере, не пристаёт ко мне с разговорами.

Мы всё делаем по звону огромного колокола, который находится где-то высоко. Если колокол звенит – значит, прошло три часа. Сама того не замечая, слежу за этим звоном и подстраиваюсь под него и когда работаю, и когда отдыхаю. Даже несмотря на моё горе, стремление к порядку даёт о себе знать.

У гурта система обозначения времени такая же, как у нас, – обороты, сегменты, часы и минуты. На самом деле мы её у них и переняли. Слова у нас разные, но само разделение одинаковое. Год – это двести семьдесят два поворота, за это время мать-планета успевает один раз обойти вокруг солнца. За десять оборотов наш маленький спутник обходит мать-планету. Одна полная орбита Каллеспы – это один оборот. Треть его – сегмент, или десять часов. Оборот составляет тридцать часов, а час состоит из девяноста минут. Глубоко под поверхностью время управляется приливами – притяжением огромной матери-планеты.

Работаю, ем, сплю. Кроме кузницы, двора и зала, где мы едим в перерывах, нигде не бывала. Впрочем, обстановку я

почти не замечаю. Никак не могу выйти из ступора, да и не хочу, потому что иначе боль вернётся. Поэтому просто поднимаю и опускаю заграждения, даже не замечая, что из-за моего чрезмерного усердия пареньку тоже приходится надрываться. Он не жалуется, но, даже если б и жаловался, я бы не обратила внимания. Пашу до изнеможения, наслаждаюсь собственной усталостью. Как только смена заканчивается, сразу засыпаю. Думать некогда.

Проходят обороты. Сколько именно, не знаю. Другие меня избегают. Видят по глазам, что я человек пропащий.

Запоминаю имена всех двенадцати сокамерников, да и других заключённых тоже – кроме разве что мальчика. В кузнице с нами работают ещё несколько десятков человек, потом все возвращаются в свои камеры. Обращаю внимание, кто с кем разговаривает, кто с кем дружен. Почти все из Эскарана, женщин, кроме меня, нет. Одни мужчины. Ничего удивительного. Как гурта поступают с чужестранками, мне прекрасно известно.

Но попадаютсся и другие народы. В нашей камере сидят Дитя Солнца, хааду, ещё видела банчу и умбра и слышала, что где-то в другой части тюрьмы сидят йайин. Хааду зовут Нерейт. Он вроде как дружит – вернее, поддерживает мирные отношения – с Чарном, здоровяком, который ко мне лез, пока я была в отключке. Синяк у него на горле почти сошёл. Сейчас я его даже ненавидеть не могу.

Как-то раз просыпаюсь оттого, что кто-то плачет. Мальчик. Остальные спят, а он тихонько всхлипывает. Ещё полусонная, решаю, что это мне тоже снится, и вновь проваливаюсь в забытие. Но в следующую смену в красном свете кузницы вижу синяки на его лице и руках. На чёрной коже различить их трудно. Но я увидела.

Каждый оборот кого-то забирают. Когда приходят в очередной раз, мы все гуляем во дворе. Я в стороне от других, как и всегда. Гляжу на землю под собой, в голове ни единой мысли. Слышу крик, поднимаю глаза. Охранники скрутили какого-то мужчину, которого я не узнаю. Ещё одна группа угрожает сидящим поблизости заключённым копьями. Впрочем, нужды в этом нет. Отбивать пленника никто не осмелится.

– В следующий раз вот так же и за вами придут, сукины дети! – вопит тот. – Мы для них хуже скотины! В следующий раз придут за вами!

Все отводят глаза. Я тоже.

Забывшись становится всё труднее и труднее. Спасительный туман постепенно рассеивается. Стараюсь удержать его, но ничего не выходит. Всё больше внимания обращаю на то, что происходит вокруг, начинаю прислушиваться к разговорам. В дело вступают старые инстинкты – начинаю собирать информацию, как меня и учили. Я же из Кадрового состава – шпионка, воительница, убийца. С самого детства меня

обучали разведывать, сражаться, бить врага. Да, я страдала, и страдала жестоко, кто-то послабее, может, и не выдержал бы. Но теперь я начинаю приходить в себя. И с этим ничего не поделаешь.

У меня в камере есть своё место, там я сворачиваюсь в клубок на жёстком каменном полу и засыпаю. Другого спасения у меня нет. Но скоро лишаюсь и этого последнего утешения.

Впервые со дня смерти Ринна мне начинают сниться сны. Сны о моей семье.

Глава 31

Церемония выпуска была торжественным событием и проходила в большом портовом городе Бри Атка на внутреннем побережье Эскаранского океана. Я ждала её без всякой радости. Даже когда мы прибыли, продолжала надеяться, что сын передумает и откажется. Мне стыдно за то, что думала такие вещи, но притворяться счастливой можно только перед другими, а себе лгать невозможно.

И всё равно лишний шанс нарядиться упускать не следует. Лисс и Каста, конечно, потребовали, чтобы я сначала показала им. Наряд мой они прокомментировали вежливо, но без всякого энтузиазма, потом затащили в ателье и подобрали возмутительно дорогую замену. Что-то такое чёрное с тёмно-зелёным, выгодно подчёркивающее всё, что надо подчеркнуть. Я позволила себе предаться самолюбованию перед зеркалом, а близняшки осыпали меня комплиментами. В общем, всё не так уж плохо.

Зал величественный, кремовый потолок гладкий, будто внутренняя поверхность раковины, и отделан золотом. Наклонный пол ярусами поднимается вверх, к нишам и балконам ведут изящные лестницы, гостей – целое море. В каменных садах растут разноцветные грибы и журчат ручьи.

Аристократки курсируют по всему залу, отпускают язвительные комментарии о соперницах, собирают сплетни.

Скользят от группы к группе, исполняя сложный танец интриг, то заискивают, прося оказать услугу, то выказывают презрение былым союзницам. На головах замысловатые уборы, одни оделись в платья из драгоценных камней и экзотической чешуи, другие – в облегающие униформы, третьи – в специально порванную, как у бедняков, одежду. Большинство из аристократок прибегли к услугам заклинателей камня, чтобы как-то изменить свою внешность – у некоторых кожа разноцветная или с узорами, у других зрачки в форме крестиков, третьи усовершенствовали форму груди. Женщины не боятся украшать свою кожу изысканными рисунками, ведь они знают, что заклинатели легко смогут стереть их, когда мода изменится. На каждый стиль находился другой, прямо противоположный. Например, борцы за чистоту нравов отказываются украшаться, одеваются строго, во всё чёрное, и бреют головы, отчего все они кажутся облысевшими.

Даже Ринн выглядит почти респектабельно, хоть и чувствует себя неуютно. Светские приёмы не по нём. Он привёл в порядок бороду и позволил мне подобрать для него подходящий костюм. Я сжалась и выбрала самый простой, какой нашла. Ринн не отходит от меня ни на шаг, будто боится утонуть в этом море экстравагантности. Он всегда считал аристократов чужаками и не понимал, что у них на уме. Сегодняшнее собрание только убедило его в собственной правоте.

Но меня их причуды не пугали. А вот Ринн считал, что они нарушают все приличия. Мне же всё это казалось очаро-

вательным, однако я не позволяла этой симпатии влиять на трезвость своих суждений. К Плутархам и их кланам можно относиться как к наивным и чересчур богатым детям, но нельзя забывать, что их игры намного серьезнее наших и ставки в них гораздо выше.

– Не видишь его? – спрашиваю мужа. Ринн был, пожалуй, выше всех.

– Они только выходят, – низким рокочущим басом про-
износит он в ответ.

При этих словах Ринн обнимает меня за плечи, и я тут же прикипаю к нему. Не знаю, хотел ли он разделить со мной гордость за сына или успокаивал – я ведь так и не смогла избавиться от чувства вины. А может, Ринн благодарил меня за то, что не воспротивилась его решению. Впрочем, в тот момент мне было всё равно. В его руках я чувствовала себя в безопасности, его близость действовала успокаивающе.

Но долго мы так стоять не могли. Скоро пришлось спускаться на нижний ярус, к полукруглой сцене в конце зала. Большинство гостей церемония вовсе не интересует, они слишком заняты обсуждением новостей из жизни друзей и врагов. Выясняют, где у кого слабое место, чтобы знать, куда ударить, пессимистично думаю я.

Провожу Ринна сквозь ряды нарядных заговорщиков. Его рука крепко сжимает мою. Чувствую, как его ладонь стала мокрой от пота. Мой муж готов бесстрашно сразиться с двумя десятками меченосцев гурта и одержать победу, не полу-

чив даже царапины, но одна мысль о приёмах и балах наводит на него ужас. Он не любит того, чего не понимает. Ринн из тех людей, что предпочитают простые удовольствия. Он и сам простой, прямой и честный. Как раз те качества, за которые я его люблю, – не считая многих других. Что бы я ни делала в течение дня – барахталась в коварных болотах Вейского подземелья или вращалась в прекрасных и опасных кругах высшего общества, – мне всегда приятно было возвращаться домой к мужчине, который всегда говорит, что думает.

Не успели мы найти своё место, как к нам тут же подлетели Лисс и Каста. Со временем я привыкла к тому, что близнецы вытворяют со своей внешностью, и в этот раз даже не удивилась. Хотя Лисс смотрелась устрашающе – мертвенная бледность, впалая грудь, глаза цвета мутной воды и волосы, похожие на рваные тряпки. На Касту глядеть приятнее, хоть и ненамного, – округлые формы, платье цвета темноты и огня, кожа чёрная, словно уголь, волосы и глаза алые, как лава.

При виде нас Лисс приходит в неопиcуемый восторг и кидается ко мне с поцелуями.

– Орна, дорогая! Как мы за тебя рады! В этом платье ты просто красавица! Чудесный выбор, чудесный! Вот видишь! Скажи теперь, что у нас плохой вкус! – Лисс бросает взгляд на сестру. – Мы очень рады за Орну, правда?

– Конечно, – соглашается Каста. Она более сдержанная из близнецов, поэтому дожидается, пока Лисс немного успоко-

ится, и чмокает меня в щеку. – Лисс мне все уши прожужжала про церемонию выпуска. Готова поспорить, она предвкушает, как сама окажется на твоём месте.

– Наглая ложь! Нет, вы послушайте, что она про меня говорит! Когда это я такое говорила? – Тут Лисс приближается ко мне и шепчет, обдав не совсем свежим дыханием: – Но что правда, то правда – как же я тебе завидую!

Я смеюсь. Близнецы наконец замечают Ринна, хором здороваются, награждают дежурными поцелуями и забывают о его присутствии. А Ринн их и вовсе почти не замечает – глаза его прикованы к сцене, на которой выстраиваются выпускники. Типичная мужская черта – они не в состоянии сосредоточиться на нескольких вещах одновременно. Меня это, если честно, всегда раздражало. А теперь он ведет себя так, будто с ним рядом и вовсе никого нет.

– Как думаешь, а вдруг мой ребёнок пойдёт служить в армию, когда вырастет? – выпаливает Лисс. Ответить я не успеваю. У Лисс вообще почти все вопросы риторические. – Надеюсь, что нет. Своего драгоценного сыночка я бы ни за что на войну не пустила. Пусть лучше будет художником, или поэтом, или скульптором, как дед Ринна!

При этих словах я мучительно смущаюсь. Есть у Лисс такая способность – не подумав, брякнуть что-нибудь неприятное и неуместное. Муж, кажется, не расслышал. Повезло. Отношения с дедом у него были отвратительные.

– Я решила – у меня будет мальчик, как у тебя, – объяв-

ляет Лисс.

– А отца спрашивать не собираешься? – уточняю я. Иско-
са гляжу на Касту, но та смотрит в другую сторону.

– Ах, мужчин это меньше всего волнует, – легкомысленно
отзывается Лисс. – У него своих дел по горло, надо же ру-
ководить этой его... текстильной фабрикой, или как там она
называется? Я ведь не напутала – у него точно текстильная
фабрика?

Лисс обращается за помощью к Касте – в точных фактах
она не сильна.

– Среди прочего он производит роскошные ковры, – с
усталостью в голосе говорит Каста. – Для военного времени
бизнес самый неподходящий, но, как ни странно, доход при-
носит немалый.

– Завидовать нехорошо! – надувает губки Лисс и, обра-
щаясь ко мне, прибавляет: – Она мне ужасно завидует.

Будто я сама не знаю.

Лицо Касты принимает угрожающее выражение, и я уже
приготовилась к семейной ссоре, но Лисс вовремя успевает
сменить тему и начинает говорить о приближающемся бале
– как жалко, что я не смогу на него прийти, ведь в это время
я буду рубить врагов на куски на каком-нибудь далёком поле
битвы.

Я с облегчением вздыхаю. Терпеть не могу, когда близ-
нецы ругаются. Каждая старается перетянуть меня на свою
сторону, и как раз этого я всячески стараюсь избежать. Се-

бе дороже. С одной стороны, они мои подруги, но с другой – Лисс и Каста младшие сёстры моего хозяина, а значит, я завишу и от них тоже. Они дамы избалованные, кто знает, что им в голову взбредёт, если их обидишь? Я их, конечно, по-своему люблю, но осторожность прежде всего.

– А вот и он! – восторженно выдыхает Лисс, прервав саму себя на полуслове.

Поворачиваюсь к сцене и вижу моего сына Джея, такого красивого в офицерской форме эскаранской армии. Крепко сжимаю мускулистую руку Ринна и чувствую, что вот-вот разревусь.

Джей больше похож на меня, чем на отца. Черты лица тонкие и изящные, а не грубоватые, да и телосложения он скорее худощавого. От Ринна Джею достались большие тёмные глаза и густые чёрные волосы. Джей зачёсывает их назад и мажет маслом. С самого младенчества Джей был миниатюрным, чему я, впрочем, только радовалась. А если бы он в Ринна пошёл, даже не знаю, как бы я его родила.

Джей смотрит прямо перед собой, всем своим видом воплощая строгую воинскую дисциплину. Другие выпускники военной школы Бри Атка ведут себя точно так же – выстроились в ряд и ни шагу в сторону. На сцену вышел Военачальник, и все голоса в зале затихли.

При первых его словах стискиваю руку Ринна ещё крепче. Всё, теперь назад уже не повернёшь.

Ох, мальчик мой. Да как же я это допустила?

После церемонии подхожу к Джею, но меня опережает декан инженерного факультета из Университета Бри Атка. С сожалением в голосе поздравляет моего сына. Ринна увлекает за собой один из не слишком влиятельных членов клана Каракасса – захотел представить ему кого-то из их Кадрового состава. Мой муж фигура гораздо более заметная, чем я, потому и отдуваться ему приходится за нас двоих, пока я прячусь в уголке.

Рядом с Джеем стоит Рейта и держит его за руку. На церемонию она успела, но пришла уже в самом конце. Её задержал учитель – рассказывал про брачные ритуалы каких-то надземных существ, про которых я даже не слыхала. Заметив меня, Рейта украдкой улыбается, будто мы две заговорщицы. Нам обеим отлично известно, что, если декана не перебить, он может говорить часами.

– Массима Лейтка Орна, – произносит он. Густые брови, чёрные с проседью, лезут вверх, на морщинистый стариковский лоб. – Рад, очень рад снова вас видеть. Я как раз говорил вашему сыну – хороший мальчик, очень хороший мальчик, – что армия в его лице много приобрела, а вот университет потерял. Да-да, потеря непростительная. У вашего мальчика ума... – Тут декан постучал Джея по лбу сморщенным пальцем, сын поморщился и увернулся, а Рейта едва сдержала смех. – Такие таланты следует беречь и использовать во благо обществу. Какие замечательные машины он мог бы из-

готовить! Но разве можно переубедить этих юнцов? Ничего не поделаешь, мальчики стремятся на войну.

– Мы все польщены вашим лестным мнением о способностях Джея, – отвечаю я, – но он уже принял решение. Кроме того, Джей получил назначение. Срок службы – пять лет.

От одних слов сердце падает.

– Глупости! Всё, что нужно, – обратиться к нужным людям, и проблема решена!

Декан отводит меня в сторонку и достаёт из складок мантии письмо.

– Если Джей вдруг разочаруется в карьере военного, мы с радостью примем его на свой факультет. Более того, для нас это будет большая честь. А это письмо откроет перед вами все двери.

Прячу конверт в рукаве платья, стараясь, чтобы ни Джей, ни Рейта не заметили. Декан знает, что делает. Джей бы от такого предложения отказался наотрез, а я даже думать не стала. Ни малейших угрызений совести. А что, вдруг пригодится. Пять лет – долгий срок, произойти может что угодно.

Поддавшись порыву, целую декана в щеку. Ему никогда не понять, насколько я ему за это благодарна.

– Ну что вы, что вы, – усмехается он. – Я не сделал ничего особенного.

Тут подходит Рейта и, взяв декана под локоть, вежливо, но решительно уводит его прочь.

– Вы, кажется, не знакомы с моим учителем? Он препода-

даёт на факультете изучения поверхности. Я просто обязана вас ему представить! Знаете, на самом деле у профессий натуралиста и инженера так много общего...

Джей следит взглядом за своей девушкой, пока та не скрывается в толпе.

– Ну, что сказал декан?

– Надеется, я уговорю тебя передумать.

– Мама, пожалуйста, не начинай, – напрягается Джей.

– Не буду, – обещаю я. В который раз между нами происходит этот диалог – в сотый, в тысячный?

– И вообще, обсуждать тут нечего. Я сделал выбор. Пути назад нет.

Джей замолкает, потом снова произносит ту же фразу, глядя куда-то в пространство:

– Пути назад нет...

– Поздравляю, – говорю я. Получается как-то холодно, официально. И неискренне.

Джей прерывает раздумья и грустно смотрит на меня. По глазам видно – на самом деле Джей хочет, чтобы я его остановила, но гордость мешает признаться в этом. Ему бы хотелось, чтобы умная мама всё сделала – как в детстве. Но теперь я помочь не в силах. Как же это больно!

Джей протягивает руки, и мы обнимаемся. Чувствовать на ощупь военную форму непривычно – ткань слишком жёсткая, слишком тщательно накрахмаленная. Но под ней – тепло родного человека. На самом деле отпустить своего ребёнка

ка невозможно. Он до сих пор мой, и теперь мне кажется, будто я его предаю.

– Обязательно пиши, – шепчу я.

– Конечно, – отвечает Джей. – Буду использовать шифр. Тогда мне никакая цензура не страшна.

Я удивлённо смеюсь. В последний раз мы пользовались шифром, когда Джей был ещё ребёнком. Это была наша тайная игра. Секрет между мамой и сыном, о котором не знал папа. Эхо из детства, которое с каждым днём становилось всё более далёким.

– Ты ведь помнишь шифр? – спрашивает Джей.

– Помню, – отвечаю я и прижимаю его к себе крепко-крепко. – Ни за что не забуду.

Позже я выскальзываю из зала на огороженный нависшей глыбой балкон, с которого виден океан. Город ярко сияет, освещаемый Домами Света, но за пределами их воздействия волны накатывают на берег в глубокой темноте. Впрочем, вдалеке подрагивают крошечные, бесплотные огоньки. Это корабли, плывущие к Мал Эйсте, Джарью или Векту. Море беспокойное, волнуемое глубоководными течениями и изменчивым ветром. Дыхание земли закачивается в каменные лёгкие с помощью гигантской системы, обеспечивающей конвекцию и давление. Хотя, как именно она работает, представляю себе очень смутно. Высоко наверху потолок гигантской пещеры озаряют созвездия фосфоресцирующих

лишайников и водорослей.

Поблизости парочка эхру посылает друг дружке какие-то сигналы, меняя цвета и поднимая щупальца над водой. Наблюдаю за ними и гадаю, о чём они переговариваются, о чём думают, что значит их поведение. Есть в этих огромных, загадочных созданиях что-то романтическое. Меня восхищает их самодостаточность. Эхру живут в морях и прочих водоёмах не только Эскарана, но и других земель, однако, несмотря на безусловно высокий интеллект, не проявляют никакого желания наладить контакт с нами. Общаются только с люстричниками, обитающими на дне глубоких озёр.

Рейта рассказывала, что как-то раз наблюдала «разговор» между несколькими эхру и двумя люстричниками. Такой великолепной иллюминации она не видела ни на одном празднике. Сравниться по красоте с этим зрелищем могли бы разве что ночные всполохи над Каллеспой. Слушая Рейту, я невольно задумалась, не ошиблась ли с выбором профессии. Наверное, нужно было стать натуралисткой, как она. Но потом вспомнила, что на самом деле выбора у меня не было, потом вспомнила почему, и настроение у меня сразу испортилось.

Сзади подходит Ринн. Передвигаться бесшумно он не умел. Поэтому хозяева всегда отправляли его, Фраска, Бельтея и прочих им подобных на передовую, чтобы шли в атаку. Я же на самом поле боя бываю редко, и то лишь затем, чтобы исподтишка нанести врагу точечный удар. Я умею действо-

вать скрытно, Ринн – нет.

– Свершилось, – произносит Ринн и кладёт руку мне на плечо. За талию не обнимает – явно побаивается. Иногда он обращался со мной, будто с ядовитой змеей, которая вот-вот накинется и ужалит.

– Джей думает, что сделал, как ты хотел, – резковато отвечаю я. – А уж чего именно ты хотел – не знаю.

– Мы ведь давно уже договорились. Джей свой путь выбрал. Ты им гордиться должна.

– Я и горжусь, – резко говорю я. – А ещё боюсь за него. Ринн, Джей уходит на войну. Кому, как не мне, знать, что собой представляют гурта.

– А я, по-твоему, не знаю?

– Я знаю лучше.

Мне становится стыдно, что использую своё прошлое в качестве аргумента в споре. Впрочем, Ринн раскусил меня много лет назад и на эту уловку не поддаётся.

– Война закончится ещё до сезона отлива. Даже гурта драться надоело, их люди устали от кровопролития. Да и бизнес страдает.

– Не у всех. Для нашего клана, наоборот, одна выгода.

– Чего ты боишься на самом деле?

На прямой вопрос – прямой ответ.

– Ринн, Джей, конечно, наш сын. Но он не такой, как мы с тобой. Мы же Кадровый состав.

– Ты всё равно не сможешь постоянно его защищать. Джей

тебе не позволит.

– Можно было просто не отправлять его на поле боя, вот и всё, – ядовито отзываюсь я. Больше можно было ничего не прибавлять. Я не хотела, чтобы Джей поступал в военную школу. Мне не нравилось, что отец на него давит. Но я сопротивлялась слишком слабо и не помешала их планам.

– Всё будет хорошо.

Ничего более обнадеживающего Ринн мне сказать не мог. Он просто обнял меня за талию и прислонился широкой грудью к моей спине. Вдыхаю и расслабляюсь в его объятиях.

– Всё будет хорошо, – тихонько повторяю я. О других вариантах даже думать невыносимо.

Глава 28

Каждый оборот после второй смены в кузнице нас ведут в маленькую пещеру, сверкающую молочно-белыми сталактитами. Вода капает с потолка в пруд, от которого валит пар. Мужчины раздеваются и лезут туда, довольно крякая и охая от удовольствия. Я сижу с краю, прислонившись спиной к сталактиту, и, как обычно, радуюсь боли в натруженных мышцах. Раздеваться нельзя. Да, после первого случая никто ко мне не лез, но я всё-таки единственная женщина среди двенадцати мужчин. Кто знает, сколько они тут просидели? Дурой надо быть, чтобы их провоцировать.

Все так и ходят в одежде, в которой их захватили в плен. А те, что были в доспехах, вообще в одном белье. Многие совсем обносились, поэтому рабочая команда ходит в одних лохмотьях, а некоторые, спасаясь от удушающей жары, раздеваются по пояс. Гурта не обращают внимания – тюремной спецодежды у них тут нет.

Мне повезло – я одета соответственно температуре. Чёрный кафтан без рукавов, демонстрирующий красные и чёрные знаки на руках – на левом плече эмблема Кадрового состава, на правом – семейный герб Ринна в знак нашего брачного союза. Широкие чёрные брюки ниже колен и сандалии с перекрещивающимися ремешками.

Конечно же инструменты моего ремесла забрали. Вспы-

пешечные бомбы, отмычки, гарроту, метательные ножи и всё в таком духе. Ну и клинки, само собой. Но чтобы убивать, клинки мне не нужны.

Из разговоров других заключённых узнаю, что процедура купания – приятное новшество. Те, кто тут дольше всех, говорят, что эту привилегию то дают, то отнимают без всякой видимой причины. Распорядок в тюрьме вообще-то хромает. Иногда приходим в столовую, а еды нет. Или работаем в кузнице по две-три смены подряд. Один раз несколько оборотов просидели в камере, только молчаливые охранники время от времени сбрасывали вниз узлы со споровым хлебом, а вонь внутри всё усиливалась и усиливалась.

В углу пещеры есть углубление, которое мы используем в качестве туалета, и время от времени кого-то из нас заставляют выгребать всё оттуда лопатой. А тот, кому на этот раз не посчастливилось, лезет вверх по лестнице с полным мешком дерьма, который нужно выбросить.

Мне пока везёт, меня ни разу не выбрали. Впрочем, гурта вообще довольно странно относятся к женщинам. С собственными дамами обращаются с причудливой смесью поклонения и жёсткого контроля. Я же чужеземка, в рабыни не гожусь по возрасту. Странно, что меня до сих пор не убили. Должно быть, гурта сбил с толку мой статус. У них женщин-военных нет.

Ладно, какая разница? Всё равно, что они думают, главное, «туалетные» обязанности – не моя забота.

Всё-таки должен быть какой-то смысл в этих постоянных переменах в расписании. Можно, конечно, спросить у других заключённых – вдруг кто-нибудь знает? Но молчания нарушать не хочу. Это будет значить, что я смирилась. Слишком ответственный шаг.

После купания всех ведут в подсобку. Идём по коридорам, постепенно становится прохладнее. Пещер больше не попадается, одни проходы, вырезанные в камне без всяких завитушек и финтифлюшек, которыми славится архитектура гурта. О плане здания представление имею весьма смутное. Когда меня сюда привезли, я была слишком одурманена снотворным. Но судя по тому, что случайно услышала, у них здесь гарнизон, а значит, тюрьма представляет собой что-то нечто вроде форта.

Мы мало что видим. Коридоры узкие и неосвещённые. Лишь время от времени проходим мимо других заключённых, которые тоже занимаются рабским трудом. Кроме кузницы, здесь ещё есть кухни, прачечная, хлебопекарня и дубильная мастерская, запах от которой идёт невыносимый.

А ещё есть квадратный двор, назначение которого непонятно. Нас просто оставляют в нём одних. Воздух туда поступает свободно. Потолка нет, внутрь задувает ветерок из-под сводов пещеры. Стены высокие, без окон, а ещё наверху устроена балконная ниша, в которой дежурят лучники, следящие за порядком внизу.

За нами наблюдают ещё и другие люди. Они одеты в серые

мантии, богато расшитые узорами. Это в основном старики, их белые волосы с возрастом пожелтели, у некоторых глаза закрывают круглые очки в медной оправе – гурта носят такие, когда у них начинаются проблемы со зрением. Их Старейшины не позволяют гурта изменять своё тело, как принято у нас. Любые вмешательства заклинателей противоречат их вере. Они скорее позволяют своим детям умереть от самой пустяковой, излечимой болезни. Мысли об их глупости всегда меня ободряют.

Заключённые собираются группами, сплетничают, играют во всякие игры, чтобы размяться. Иногда бывают драки, но охрана не вмешивается. Дерущихся сразу же окружает толпа «болельщиков». Во дворе сводятся все счёты между заключёнными. Здесь единственный запрет – не пытаться бежать, всё остальное разрешено. Одного мужчину недавно забили до смерти. Охрана сделала вид, будто не заметила. Но когда другой заключённый чуть было не повторил его участь, охранники мигом кинулись на его защиту. Видимо, некоторые пленники представляют большую ценность, чем остальные.

Ринн погиб. Джей далеко. А в том подавленном состоянии, в котором я пребываю, кажется, будто он вообще недосыгаем.

Я в собственной тюрьме. Безо всяких стен и ворот.

Мы снова во дворе. После купания настроение у всех при-

поднятое. Борются понарошку, рассказывают смешные истории. Нерейт и Чарн что-то тихо рассказывают группе мужчин. Нерейт ухмыляется и показывает острые зубы, как у всех хааду. Эти резцы, похожие на звериные клыки, предназначены, чтобы вгрызаться в мясо. Я, как всегда, сижу, прислонившись к стене. Никто ко мне не подходит, и я довольна. Иногда, если меня что-то заинтересует, гляжу по сторонам. Но в основном просто замираю, уставившись на плиточный пол, и думаю о своём. В кузнице устаю так, что ничего связанное в голову не идёт.

Тут ко мне приближаются чьи-то босые ноги. Кожа на них чёрная, блестящая. Слышала, у Детей Солнца есть какие-то особые железы, которые вырабатывают некое вещество, защищающее от солнечной радиации. Что ж, на поверхности без этого не обойтись. Действительно – вблизи чую слегка горьковатый запах.

Жду, что парень отойдёт, но он не двигается с места.

– Помоги мне, – произносит он с какой-то вопросительной интонацией.

В первый раз слышу его голос. Мягкий, с сильным акцентом. Видимо, эскаранский язык для него чужой, и говорит он на нём очень редко.

Поднимаю глаза. На лбу у парня шишка, губа распухла, и стоит нетвердо. Под тонкой рубашкой наверняка скрываются синяки. А может, у него вообще трещина в ребре.

Чарн вечно пристаёт к нему во дворе, а иногда и в ка-

мере. Скорее всего, потому что парень одинокий, слабый и нездешний. Никто его не защитит, а значит, можно делать всё, что хочешь. Чарн загоняет его в угол, бьёт несколько раз, пинает ногой, когда тот падает. Быстро, точно и без малейшей злобы. Думаю, мальчик не понимает, почему Чарн его бьёт. А может, и сам Чарн этого не понимает.

– Он боится от тебя, – произносит парень. – Говорил, ты – Кадровый состав. Я слышал. И страх слышал, когда он говорил.

В первый раз вижу парня по-настоящему. Смотреть на него тяжело, так он избит. Вообще-то он красив, но не по-мужски, а по-женски. Похож на изящную скульптуру из обсидиана. Из-за синяков правильные черты лица уродливо искажены.

– Фейн есть моё имя, – представляется парень, так и не дождавшись ответа.

Некоторое время молчу. А потом слышу собственный голос, будто со стороны:

– Ничем не могу помочь. Уходи.

На самом деле я хочу сказать – проваливай, у меня горе, оставь меня одну.

Лицо парня непроницаемо. Затем он кивает, будто понял. Так и тянет завопить – да что ты можешь понять, ты ещё мальчишка и не знал той любви, какую знала я, и той боли. Но зачем? Парень отходит, держась за бок.

Бросаю взгляд на Чарна и Нерейта, те сразу отводят глаза.

Они видели, что мы разговаривали.

* * *

В следующую смену в кузнице прошу другого заключённого, чтобы тот поменялся со мной местами. Буду кидать в топку кокс. Причин у меня две. Во-первых, я стала сильнее, и прежние обязанности уже не кажутся такими тяжёлыми. Мне надо усложнить себе жизнь. Но основная причина в том, что не могу видеть Дитя Солнца.

Другого заключённого два раза просить не надо. Моя работа по сравнению с его – так, лёгкая прогулка.

Около топки нас шестеро, швыряем кокс в ревущую, дымящую пасть. Тот самый хааду, Нерейт, тоже здесь. Но я ни на кого не гляжу и тружусь, не разгибая спины. От жара на коже выступает пот и так же быстро высыхает. Лица мужчин покрыты чёрной пылью. Бросая топливо в жадное пламя, они переговариваются. Смеются, отпускают непристойные шуточки про гурта, говорят всякие мерзости про других заключённых, вспоминают, как хорошо жилось дома. Подшучивают над Нерейтом, но по-дружески – называют его каннибалом. Тот поддерживает шутку и оскаливается.

Сую лопату в гору кокса и уже собираюсь закинуть новую порцию в огонь, когда хааду вдруг перехватывает мою руку.
– Да не так.

Непонимающе гляжу на него.

Нерейт указывает на мою лопату:

– Из середины бери, а не со дна. У тебя тут одна пыль.

Всё равно не понимаю.

– Закинешь её в топку, а она там вся вспыхнет и взорвётся, – поясняет хааду. – Кто-нибудь обожжётся.

Медленно поворачиваюсь, стряхиваю пыль и делаю, как он сказал. На этот раз на лопате одни куски. Нерейт удовлетворённо хмыкает и возвращается к работе.

После этого наблюдаю за хааду некоторое время. Что-то в нём меня определённо настораживает. Давний инстинкт, родившийся от постоянного общения с опасными людьми – от аристократов, губящих людей с помощью подписи на документах, до вооружённых до зубов поставщиков огненного когтя, которым терять нечего.

Нерейт голый по пояс. Мышцы хорошо развиты, жира не видно. Волос у него нет, как и у всех хааду, на голове метка – длинные красные полосы, повторяющие форму черепа. Такие же полосы, только шире, спускаются по спине. Это знак касты, но я в символике хааду не разбираюсь и определить по ним его статус не могу. Города хааду далеко от наших, добираться до них надо через лабиринты пещер, населённые умбра, леса из грибов и каменные равнины, где из-под земли сочатся ядовитые фосфорические газы. Поэтому в Эскаране из их народа мало кто бывал.

Но особенно привлекают внимание зубы – длинные, острые, словно звериные клыки. Хааду – раса сугубо плотояд-

ная. Предпочитают охотиться и пожирать добычу на месте. Ещё едят умерших и убитых врагов, но это у них церемониальное.

Надзиратель совершает обходы каждую смену в одно и то же время. Единственное, что у нас тут происходит четко по расписанию. Надзиратель выходит из своих покоев, находясь высоко под потолком, спускается вниз и ходит среди нас с ленивым и властным видом. Одет всегда опрятно. Для гурта он высокий, спину держит прямо, белые волосы зачёсаны назад от висков. В кузнице сохранить униформу в безупречном состоянии сложно, но надзиратель старается как может. Охранники обращаются к нему «надзиратель Арачи». Когда хочет, говорит на хорошем эскаранском, но до разговоров с заключёнными нисходит редко. Эти обходы – скорее формальность. Ни разу не видела, чтобы надзиратель что-то делал – только постукивает пальцем по агрегатам и бормочет что-то вроде «хороший металл, крепкий». Охранники в его присутствии ведут себя смирно, но за глаза смеются и выдумывают прозвища. Его важная походка их смешит.

Впрочем, сами охранники тоже не перетруждаются – всё больше стоят без дела и болтают. За нами следят не слишком пристально. За всеми, кроме кузнецов. Ведь здесь и оружие делают, а значит, надо следить, чтобы готовые клинки не попали в руки заключённым.

В этот раз надзиратель не один. С ним четверо охранни-

ков и мужчина в тяжёлых чёрных перчатках и покрытом копотью халате, нижнюю часть лица скрывает маска. Смутно припоминая, что видела его, когда пребывала в сонном дурмане.

Останавливаются рядом со мной. Мужчина в маске указывает на одного из молодых людей около топки, того, что с уныло висящими тёмными волосами. Двое охранников скручивают его, остальные выхватывают клинки и оттесняют других заключённых в сторону. Молодой человек бледнеет и начинает кричать. Один из заключённых сжимает в руках лопату и рвётся ему на выручку, но товарищ преграждает ему путь. У него самого челюсти плотно сжаты от гнева, но он понимает: вмешаться – значит подписать себе смертный приговор. Поблизости ещё десять охранников, все с мечами.

Один из них бьёт сопротивляющегося заключённого рукояткой по голове и оглушает его. Несчастливого утаскивают. Мужчина в халате окидывает нас взглядом и уходит.

Смотрю на хааду. Тот замечает моё недоумение.

– Это один из врачей гурта, – поясняет он. – Они забирают у заключённых органы.

В камере Чарн снова избивает Фейна. Все молчат. Чарн мужчина крупный, самый сильный из всех, такого врага называть не следует.

Я лежу с закрытыми глазами, но, несмотря на изматывающую усталость, отключиться не могу. Фейн не идёт у ме-

ня из головы. Сначала слышу крики боли, потом приглушённое поскуливание – парень пытается сдержать плач, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Свернувшись на тёплом влажном камне, пытаюсь отделаться от своих мыслей, но безуспешно.

Неудачный вышел оборот. В первый раз пришлось заговорить, и как раз из-за этого парня. А хуже всего, что он обратился ко мне с просьбой. Попросил о помощи. Ну почему меня не оставят в покое? У меня ничего нет, и мне ничего не надо, потому что знаю – лучше вовсе не иметь, чем иметь и потерять.

А Фейн всё плачет. Он ведь уже не ребёнок, а почти мужчина. Неужели до сих пор сдерживаться не научился? Когда же он, наконец, замолчит?

И вдруг замечаю, что я тоже плачу. Чувствую на щеках прохладные солёные капли. Но не издаю ни звука – просто лежу, съёжившись в темноте камеры, и тихо лью слёзы.

Жду, пока успокоюсь, потом поднимаюсь и шагаю к Чарну. Один из его приятелей замечает меня и встаёт. Чарн и второй приятель – тоже. Остальные оживляются, их тёмные тени в углах зашевелились. Они в первый раз видят, что я предприняла какое-то активное действие. Моего имени тут никто не знает, поэтому кое-кто прозвал меня «тень». Так же называют и чёрных призраков, печально скользящих по кладбищам Банчу. В других обстоятельствах я бы посмея-

лась. В моём ремесле слово «тень» тоже в ходу, хоть и употребляется в другом смысле. Но теперь я уже не сливаюсь со стеной.

Друзья Чарна ниже его ростом, однако крепки и коренасты, а у одного, судя по всему, хорошая реакция. Все приготовились к стычке. Чарн скрещивает руки на груди и усмехается. Страха он не показывает, но на самом деле нервничает. Сразу видно. Свет факелов не падает на их лица, они погружены в полумрак.

Все готовятся к словесной перепалке. Драться не собираются. Чарн привык, что он самый сильный, поэтому ждёт, что я с постараюсь с ним договориться. Все эти их мужские штучки – авторитет, сила, лицо, которое надо сохранить... Но я не мужчина и в их игры не играю. Поэтому сразу начинаю действовать.

Первым делом нападаю на того, что с быстрой реакцией. Удар под нос, потом по ноге – вывих бедра обеспечен. Другой настолько ошеломлён, что даже шевельнуться не успевает. Бью его в лицо ребром ладони, потом – коленом в солнечное сплетение. Тот валится на землю, хватая ртом воздух. Ставлю ногу ему на спину и давя. Раздаётся треск ребра.

Третий упал на колено, весь бледный от страха. Кажется, вот-вот завопит. На всякий случай бью его в челюсть. Похоже, сломала. Что ж, тем лучше донесу до них нужную мысль. Чарн облизывает губы и отступает на шаг. Ударить меня боится. Если разозлюсь ещё больше, мало не покажется.

С другой стороны, его единственный шанс – достать меня прежде, чем я достану его. Наконец Чарн набирается смелости и замахивается, но я ловлю его кулак в воздухе и ударяю в предплечье, прямо в нерв. Меня тоже так били, на тренировках в Академии. Боль ужасная. Подвижность восстановится нескоро. Чарн мужчина здоровенный, но визжит, как девица. Стыдно.

Зажимаю нос Чарна между пальцами и поворачиваю свое запястье. Слышу хруст хряща. Теперь Чарн орёт ещё громче, вырывается и падает на пол, прижав руки к лицу. Это ему за то, что он хотел со мной сделать, пока я была без сознания, говорю себе.

Тут на меня что-то находит, и отстранённость развеивается окончательно. Меня переполняет нечто свирепое, бурное, пламенное. Гнев. Но не на Чарна, а на себя. За то, что не смогла спасти мужчину, которого любила. Потому что позволила взять себя в плен. Потому что ничего не смогла поделать – в очередной раз.

Стою над мужчиной, который хотел меня изнасиловать. Он повержен. Весь мой боевой дух улетучился. Я своего добилась.

Чарн встаёт на колени, и я бью его снова. Сначала – вполсилы, но неожиданно это доставляет мне непонятное удовольствие. Второй удар сильнее. Чарн сразу валится на пол. С размаху пинаю его в живот. Чарн морщится, ноет, стонет. Даже уползти не пытается.

И вот эта его покорность доводит меня окончательно. Сдался, тряпка! Окончательно теряю над собой контроль. Обрушиваю на него град ударов, бью руками и ногами куда попало. Чарн визжит, смутно замечаю брызги слюны и крови. Голосов охранников почти не слышно, хотя те что-то кричат мне сверху.

Вдруг Фейн опускает руку мне на плечо. Прикосновение мягкое. Он даёт мне понять, что не враг. Силой бы меня никто остановить не смог, но дружеский жест сразу успокаивает.

– Хватит, – тихо произносит Фейн.

Гляжу на окровавленного Чарна, валяющегося у моих ног. Гнев прошёл. Теперь вообще ничего не чувствую.

Охранники отходят, довольные, что беспорядки прекратились. Вниз лезть им лень.

Отхожу от Чарна и обращаюсь ко всем сразу. После долгого молчания голос звучит хрипло.

– Парня не трогать, – произношу я, возвращаясь на своё место и тут же засыпаю. Стоны раненых мне спать не мешают. Не то что рыдания Фейна.

Глава 27

На следующий оборот охранники избивают меня до полусмерти.

Сию, ем в столовой, и тут меня тащат на середину зала, а тарелка с кашей из спор и клубней летит в сторону. Я заранее слышала, как они подходят, но реагировать не стала. Позволяю себя забрать.

Наказание совершается на глазах у других заключённых. Меня швыряют на пол и со всей силы бьют короткими дубинками. Есть техники и мантры чуа-кин, которые помогают заглушить боль и отгородиться от происходящего. Но я их не использую.

Так мне и надо. За то, что не спасла Ринна.

Остальные возмущаются. Некоторые вскочили с лавок, охранники грозят им мечами. Слышу гневные крики, заключённые осыпают гурта оскорблениями. Причём на их языке – специально для таких случаев выучили. По столам из корневого дерева стучат каменными ложками и пустыми мисками. Повара замерли около котлов над центральным огнём и тоже стали наблюдать за происходящим.

К счастью, в лицо меня охранники почти не бьют. Все зубы на месте, ни одна кость не сломана. За это я им благодарна.

Когда избиение заканчивается, я впадаю в полубессозна-

тельное состояние. Меня куда-то тащат за руки. Во рту солёно-металлический привкус крови, всё тело пылает от боли. То отключаюсь, то снова прихожу в себя. Затем окончательно проваливаюсь в забытие, но из этого состояния меня выводят пощёчиной, и я вдруг оказываюсь в тёплой воде. Трепыхаюсь, захлёбываюсь, тону... наконец снова вынырываю на поверхность, и меня тошнит – наглоталась воды.

Я в круглой пещере с гладкими стенами, полной застоявшейся, солоноватой воды. Вонь проникает внутрь, пронизывает насквозь. Из помещения сверху просачивается свет факелов. Узкие, бледные лица гурта, склонившись, глядят на меня.

Над водой в стены вделаны ржавые металлические кольца. Хватаюсь за одно из них. Охранники уходят и уносят факелы с собой. Дверь захлопывается, и становится темно. Мы, эскаранцы, хорошо видим в темноте, и самого слабого источника света нам достаточно. Однако в темноте мы беспомощны.

Боль постепенно нарастает. Подбитый глаз закрывается сам собой. Щека распухла до невероятных размеров. Единственный звук, который до меня доносится, – плеск воды. С мрачной иронией радуюсь, что наконец разрешила загадку – так вот куда девают всё дерьмо из камер. Даже немного улыбаюсь разбитыми губами.

Ринн всегда говорил, что мышление у меня извращённое. Это ему даже нравилось, хотя иногда всё-таки раздражало. Несмотря на своё плачевное состояние, чувствую подъём.

Держусь на поверхности, продев одну руку сквозь кольцо, и мысленно насмехаюсь над охранниками, которые меня избивали. Презираю их за то, что не разделились со мной окончательно. Мне и так хуже некуда, ничего страшнее они со мной сделать не могут. Да пошли они все. Пусть даже не надеются меня сломать.

До меня доносится тихий, заунывный звон колокола, отдающийся эхом в стенах пещеры. Так определяю, что провела здесь уже два оборота. Хотя точно не уверена – один-два раза могла и не услышать, пока спала. Спать тут не так-то просто. Нужно просунуть руку в кольцо по самую подмышку, чтобы не захлебнуться, но потом просыпаюсь оттого, что циркуляция крови прекратилась и рука совсем онемела. Кажется – лучше бы и вовсе не спала. Но что поделаешь? Таково моё наказание.

Некоторое время назад мне спустили ведро воды. Чистой, а не той мути, в которой я плаваю. Выпиваю, сколько могу, прикинув распухшими губами к краю ведра. Ведро вытягивают слишком рано, но и этого достаточно, чтобы продолжать держаться.

Наконец слышу поворот ключа в замке, и дверь со скрипом открывается. Вижу над головой свет факела, совсем тусклый. Но на глазах выступают слёзы, поэтому загораживаюсь ладонью и отворачиваюсь. Мне сбрасывают верёвку, к которой прикреплено что-то вроде грубой сбруи из ремней.

– Надевай, – приказывает кто-то по-гуртски.

Простой приказ доходит до меня не сразу. Медленно протягиваю руку и берусь за ремни.

– Надевай, – снова повторяет голос.

Прикидываюсь, будто по-гуртски не понимаю. Тогда мне начинают объяснять знаками, чего от меня хотят. Послушно пристёгиваюсь. Одной рукой это сделать не так-то просто. Вторая онемела.

Меня поднимают наверх. Я совсем ослабела. Едва могу отталкиваться от стен пещеры, когда в них врезаюсь. А гурта не обращают внимания, знай себе тянут. В верхнем помещении меня ставят на ноги, расстёгивают ремни и ведут прочь, тыча в спину остриём меча.

Меня ведут по коридорам, в которых я раньше не бывала. Одни отделаны корневым деревом древней микоры, другие покрыты узорами из коры лишайниковых деревьев. В стены вделаны маленькие светящиеся камни. Один их вид вызывает острую ностальгию по благам цивилизации. Я уже привыкла к мрачному, жаркому миру сырых пещер, каменных комнат безо всяких излишеств и грохоту литейных. Даже не ожидала увидеть здесь такую роскошь, как светящиеся камни.

Эти коридоры намного чище тех, по которым мне приходилось ходить до сих пор, и украшены намного богаче. На притолоках и держателях для факелов – знаменитые гуртские завитушки. Мимо с тихим шелестом проходят учёные

в мантиях, некоторые совсем молодые, с детскими лицами. Кажется, они вовсе не удивляются, столкнувшись с избытой, измождённой эскаранской женщиной, которая только что плавала непонятно в чём.

Меня проводят в комнату, где с потолка свисает фонарь из кованого железа, внутри которого находится светящийся камень. Вдоль стен выстроились стеклянные шкафы и ящики. На рабочей поверхности – перегонные кубы, другие алхимические приспособления и непонятные медные штуковины, издающие тихое тиканье. Рядом – открытые книги и схемы. Чую запах крови.

В центре комнаты – рама в форме креста, наклонённая под углом, к каждому концу приделаны ремни. Рядом стоит тот самый врачеватель, который недавно приходил в кузницу.

Значит, вот зачем они меня сюда привели. Хотят на органы разобрать, как того мужчину.

Нет!

Начинаю яростно сопротивляться. Вырываюсь из рук охранников. Неизвестно откуда берутся силы. Как представляю, что меня привяжут к раме и начнут резать... Бью одного из охранников ногой и чувствую, как ломается его лодыжка. Тот кричит – типичный гуртский крик. Этот звук мне прекрасно знаком. Тут кто-то бьёт меня дубинкой по голове, и я повисаю на их руках. Больно. Но для того, чтобы оглушить, этого мало. Снова пытаюсь вырваться, но меня бьют опять,

и я успокаиваюсь.

Бесполезно. Я слишком долго голодала и слишком много времени провела в той пещере, почти не двигаясь. У меня сейчас никаких шансов противостоять оставшимся охранникам. Один проклиняет меня на чём свет стоит и, держась за ногу, оседает на пол. Остальные привязывают ремнями, а врачеватель подходит всё ближе и ближе, в руке у него длинная полая стеклянная игла. Внутри искрится янтарная жидкость. Всё ещё пытаюсь увернуться, но сил не осталось. Игла всё ближе. Наконец втыкается в руку, и неожиданно мне становится очень спокойно. Постепенно расслабляюсь, пока не проваливаюсь в сон.

Поле битвы усеяно окровавленными останками. Потолок пещеры нависает низко, при каждом взрыве с него дождём сыплются сталактиты. Воздух разрывают последовательные залпы осколочной пушки.

Но я цела и невредима. Лечу на крошечных, жужжащих крылышках над поверженными воинами – и нашими, и гурта. На лицах убитых навечно застыли ужас и потрясение, они покрыты грязью и кровью. Воздух наполняют отвратительные запахи сражения, а меня несёт ветром дальше, к моей цели.

Наконец я вижу его. Лежит, скорчившись, на краю воронки, рядом с убитыми товарищами. Глаза их пусты. Он дрожит. На грязном лице дорожки слёз.

Это мой сын.

Подлетаю к нему, он поднимает глаза. Отчаянно тянет ко мне руки, но я слишком высоко, ему не дотянуться.

– Я здесь, – говорю я. – Я нашла тебя.

Джей шепчет в ответ какую-то бессмыслицу. И тут понимаю – это шифр. Наш тайный язык. Я должна разгадать смысл.

– Где ты? Где?

– Я иду к тебе, – отвечаю я.

И вдруг налетает мощный порыв ветра и, пахнув удушающим жаром, относит меня совсем в другую сторону.

– Где ты? – кричит Джей, но меня увлекает прочь. С такими маленькими крылышками сопротивляться урагану невозможно. Я всё же пробую, но ничего не выходит.

– Я всегда с тобой! – выкрикиваю я, но меня унесло так далеко, что Джей не слышит.

Просыпаюсь в каком-то кабинете. В таких роскошных помещениях я тут ещё не бывала. Кругом полированное дерево и сверкающий металл. Окон нет. Но зато есть примитивная система вентиляции, зависящая от конвекции. Должно быть, я нахожусь в самом сердце тюрьмы.

Я за руки и за ноги пристёгнута ремнями к креслу. Напротив сидит гурта средних лет. Длинные, белые с желтизной волосы собраны в хвост. Волосы свисают с щёк двумя дорожками, но подбородок голый. Одет мужчина в красно-се-

ребристую мантию, ногти длинные и острые.

И вдруг замечаю кое-что ещё. Я больше не мокрая. Воня тоже не чую. Оглядываю саму себя. Одежду мою выстирали. Кожа чистая. Кажется, даже голову помыли.

Чтобы вымыть, меня надо было раздеть. Гадаю, не сделали ли гурта ещё чего-нибудь, пока я была без сознания, но тут же запрещаю себе об этом думать. Лучше не знать. Будем считать, что ничего не было.

Потом вспоминаю свои опасения. Нет, органы у меня за- бирать не собираются. Что же тогда эти гады задумали?

Жду. Пусть гурта заговорит первым. По одну сторону от его кресла стоит изысканная модель нашей звёздной системы, выполненная из меди и золота. По таким считают приливы и сезоны, определяемые движением небесных тел. В этой модели представлены только четыре – те, чьё тепло и гравитация оказывают влияние на наш подземный мир. Вот сияют два солнца, Оралк и Мохла, вот Бейл, наша огромная, круглая мать-планета, а вокруг обращается крошечный спутник, Каллеспя. Здесь мы и живём.

Шары закреплены на металлических стрелках, которые, в свою очередь, приделаны к зубчатым колёсикам. Благодаря им система движется синхронно. Бейл уже почти достигла дальней стороны Оралка. С поверхности кажется, будто два солнца слились в одно. Значит, сезон отлива скоро заканчивается, до начала сезона спор осталось совсем немного. Но- чи на поверхности удлинились, почти сравнявшись с днями.

Значит, мои расчёты верны, я в тюрьме как раз столько времени, сколько и думала.

Гурта наклоняется вперёд и громко прокашливается. Глаза у него светло-серые, водянистые, будто у мертвеца. Ненавижу их племя и всё, что их касается.

– Будьте любезны, назовите своё имя, – произносит он на эскаранском с сильным акцентом.

Собираюсь ответить что-нибудь дерзкое, но потом решаю – сейчас не время. Следует выяснить, что ему нужно, а препирательства мне в этом не помогут.

– Моё имя... – начинаю я, судорожно сглатываю – горло совсем пересохло – и договариваю: – Моё имя Массима Лейтка Орна. Я из клана Каракасса, член Кадрового состава Ледо.

– Ледо?

– Плутарха Натка Каракасса Ледо. Магната клана Каракасса.

Учёный прищуривается, губы чуть растягиваются в улыбке.

– Моё имя Гендак. Я учёный из города Чалем.

– Рада знакомству.

– Прошу простить за то, что с вами обошлись так сурово, – продолжает Гендак. – Произошло недоразумение. Вас не должны были трогать. Но, к сожалению, коллеги забыли о моей просьбе, так им хотелось вас наказать. Как только я узнал, что произошло, сразу за вас вступился.

Извинения звучат неискренне. На самом деле этому человеку меня не жаль. Просто хочет, чтобы я знала – он в случившемся не виноват. Жду, что Гендак скажет дальше.

– Орна, вам известно, за что вас наказали?

– Напала на другого заключённого, – отвечаю я. После долгого молчания разговаривать непривычно, а с распухшими губами – ещё и трудно.

– Нет, не из-за этого. Дело в том, *на кого* вы напали.

– Что в нём такого особенного?

– Чарн – отличный кузнец. Мало кто из наших пленников умеет ковать оружие. Поэтому он для нас – ценное приобретение, а вы вывели его из строя.

– Рука скоро восстановится, и нескольких оборотов не пройдёт. Скажите спасибо, что я её не сломала.

– Это вы скажите спасибо – себе. Иначе вас наказали бы гораздо более жестоко.

Вглядываюсь в его лицо. Гендак откидывается на спинку кресла, поглаживает усы.

– Вы не слишком хорошо общаетесь с другими заключёнными. Вернее, совсем не общаетесь. Можно узнать почему?

– А вам какое дело?

– Просто любопытно.

Молчу. Нет, такого ответа мне недостаточно.

– Не хотите отвечать?

– Сначала скажите, зачем спрашиваете.

Наступает долгая пауза. Обращаю внимание, что движе-

ния Гендака медленные, очень чёткие. Когда молчит, замирает вовсе. Но мысль работает напряжённо. Он соображает, рассчитывает.

– Я всю жизнь посвятил изучению вашего народа, – произносит Гендак. – Ваших людей. Эскаранцев.

– Узнай своего врага и победи его?

– Лучше – примиришься с ним, – возражает Гендак.

– Ваш народ не хочет мира, – с горечью произношу я.

– Ваш тоже.

Против этого не возразишь. И клана Каракасса это особенно касается. Долгая война приносит им немалую прибыль, потому она и тянется уже целых семь лет.

Гендак устраивается в кресле поудобнее. Стараясь, чтобы он не заметил, проверяю, крепко ли я привязана, но увы – освободиться своими силами не получится. Жду продолжения.

– Противостояние между нашими народами имеет долгую историю, – начинает тот. – Никто из ныне живущих не помнит времён, когда мы не воевали или не конфликтовали. Дошло до того, что все считают такое положение вещей нормой. Но я с этой точкой зрения не согласен. Считаю, эскаранцы и гурта должны лучше узнать друг друга. Это поможет им жить в мире и согласии.

Не очень-то я ему верю.

– После всего, что было? Понять – одно дело, но от этой войны пострадало слишком много людей. И что же, по-ва-

шему, они смогут забыть причинённое им зло?

– Надо же с чего-то начинать.

Говорит Гендак убедительно, однако я с ним не согласна. Никаких дружеских отношений между нашими народами быть не может, и лично я этому только рада. Перебить бы их всех до последнего за то, что они сделали. Вспоминаю, как людей забирали врачеватели, как меня избили и бросили в ту пещеру. Как убили моего мужа. Никогда их не прощу, ни за что. Но гнев мой немного остыл. Теперь я в состоянии его контролировать.

– Ваши Старейшины считают, будто законы Маала приказывают воевать с моим народом. Разве ваше стремление к миру не идёт с ними вразрез?

Гендак разводит руками:

– Мудрость Маала была поистине велика. Я же просто пытаюсь понять ваших людей. А для чего будут использовать мои знания, для войны или для примирения – над этим я не властен.

– А органы у нас вы тоже за этим забираете – чтобы лучше нас понять, да?

– Этим занимаются другие учёные мужи, преследующие иные задачи. Дело в том, что физиология эскаранцев и гурта во многом схожа. Кроме того, на ваших людях можно тестировать новые лекарства и яды, да и для начинающих врачевателей практика неплохая. Солдаты гурта редко берут пленных. Единственная причина, по которой вы до сих пор жи-

вы, – мы рассчитываем, что вы принесёте нам пользу. Когда же ваша полезность будет исчерпана, мы от вас избавимся.

Что ж, зато честно. И угроза ясна. Не будешь сотрудничать – пойдёшь под нож.

– Я вам ответил, теперь ваша очередь, – напоминает Гендак.

Отвечаю не сразу – думаю, что лучше сказать.

– Я не разговариваю с другими заключёнными, потому что никто из этих людей мне не близок. Говорить с ними не о чем. Они меня не волнуют.

– А за пределами тюрьмы есть что-то, что вас волнует?

Мой сын. Сын, которого я никогда не увижу. Который дерётся на этой проклятой войне где-то далеко отсюда, думаю я и отвечаю:

– По большому счёту нет.

Меня отправляют обратно в камеру. Лезу вниз по лестнице, а другие заключённые глаз с меня не сводят. Глаза Чарна на покрытом синяками и кровоподтёками лице пылают злобой. Повреждённая рука висит на перевязи. Кожей чувствую его ненависть, но знаю, что ничего предпринять Чарн не осмелится. Я всем дала понять, что со мной лучше не связываться.

Лестницу вытаскивают, и решётчатое окно наверху захлопывается. Иду в угол и молча сажусь. По пути бросаю взгляд на Фейна. Он смотрит на меня, как и все остальные. Кажет-

ся, в моё отсутствие его никто не бил.

Не знаю, почему для меня это важно. Просто хотела убедиться, и всё.

Глава 32

Город скрывается глубоко под землей, куда не проникает свет дня. Он занимает всю гигантскую пещеру, неровный каменный ландшафт усеивают огоньки бесчисленных фонарей и светящихся окон. Лампочки ползут вверх по стенам пещеры и свисают с потолка, тёмные сталактиты на котором играют роль люстр. Отблески металлических жил и призрачное свечение лишайника, похожего на далёкие созвездия, искрятся там, докуда пока не добрались огни большого города. На этой тёмной глубине эскаранские племена построили этот мерцающий, переливающийся город и назвали его Вейя – «подземный дом».

Я прекрасно знаю этот город, его площади и аллеи, мосты и памятники, бары, злачные места и тайные общества. Знаю, в каких шахтах разводят экзотических зверей для нелегальных боёв, где за большую плату на кожу могут нанести фальшивые знаки власти, где изготавливают некачественное зелье огненный коготь и продают его двеомингам из трущоб. Посещала и более изысканные заведения, где аристократы курят, пьют и заключают сделки. Видела скульптуры на кладбище Серых холмов, об истинном значении которых знает только создавший их древний народ. Видела и мать, ребёнок которой умер от голода прямо у неё на руках, а та была так пьяна, что даже не заметила.

Город принял меня в свои объятия. Здесь можно было делать что хочешь – раствориться в толпе или вести активную жизнь. Я бродила по Вейе, словно хищник по своей территории, и стремилась узнать её со всех сторон. Я не уставала исследовать город, иногда в роли пассивного наблюдателя, иногда – как активный участник. Тот, кто знает – властвует.

На берегу реки сияли огни и бурлили толпы, даже в то время, когда вся Вейя спала. Мужчины с цепкими взглядами и их элегантные спутницы сидели на верандах дорогих баров и потягивали напитки из изящных кубков. Куртизанки и альфонсы подсаживались за столики мужчин и женщин, ужинавших в одиночестве. Воздух наполнял запах готовящейся рыбы и благоухание ароматических масел в фонарях.

Я облокотилась на ограждение, отделявшее променад от круто спускавшейся вниз набережной. Поблизости стоял один из пяти Домов Света Вейи, от которого во все стороны расходилось бледное сияние. У кромки воды выстроились дома богачей. Одни были выполнены в форме волны, другие – полного семян стручка, третьи – спиральной колонны. Камень, дерево и керамика идеально сочетались друг с другом, несмотря на кажущуюся хаотичность. У вейских архитекторов фантазия богатая. Здесь произведения искусства можно встретить на каждом шагу.

Замечаю на променаде своего информатора. По нему сразу видно – этот человек здесь хозяин и знает город как свои пять пальцев. Ему нет нужды напускать на себя важность.

Люди и так чувствуют, что он человек серьёзный и с ним лучше не шутить. Даже уличные грабители его не трогают, хотя сами не отдают себе отчёта почему. Купцы общаются с ним как с равным, хотя сразу видно – этот человек ни богатством, ни положением не обладает.

– Здравствуй, Керен, – произношу я, когда он подходит к ограждению рядом со мной.

Керен всегда выглядит растрёпанным и неряшливым, будто только с постели. Почему-то это небрежное отношение к собственной внешности только усиливает исходящее от него предупреждение окружающим. Под нижней губой выступает пирсинг – два серебряных клыка. Густые, спутанные чёрные волосы спадают на лицо. Низкий лоб и щёки с седой щетиной покрывают извилистые узоры.

– Здравствуй, Орна, – отвечает Керен.

Он наблюдает за идущим вниз по реке грузовым кораблём. Судно окружает островок света. Его сопровождает полдесятка шлюпок милиции.

Чуть помолчав, Керен указывает на корабль:

– Товар на продажу везут. Говорят, у Джеримы Вема там двадцать мешков костнотростникового порошка, прямо с личных складов в Шиверсе. Владельцы притонов в Эшен-парке с радостью наложили бы на него лапу, но шансов никаких. Вем подкупил или запугал всех начальников портов до самой Бри Атки.

– Слышала, – отвечаю я.

Керен кивает.

– Поневоле задумаешься. Если он и правда перевозит столько порошка, почему все об этом знают? Вем человек осторожный. По мне, так смахивает на отвлекающий маневр. Или на ловушку.

Искоса смотрю на него.

– Угадал.

Керен усмехается:

– А ты что знаешь, Орна?

– Вем нацелился на крупную рыбу. На Серебряного.

Керен издаёт смешок.

– На Серебряного? Думает, он на такое поведётся?

– Ну да. Информаторы Вема никуда не годятся.

– А тебе всё это откуда известно?

Поворачиваюсь щекой, чтобы Керен увидел знак Долга – три диагональные полосы.

– Ледо в последнее время старается наладить отношения с Джеримой Вемом. Так что и до меня иногда кое-что доходит.

Керен фыркает.

– Совсем забыл. Они же породниться решили, кто-то там на ком-то женится. За этими аристократами не уследишь.

Керен уже обдумывал, как может использовать новую информацию, кому её сообщить и какое она может дать преимущество.

– А что у них за вражда?

– У кого – у Вема с Серебряным? Вот этого не знаю. Се-

ребряный в последнее время клану Джерима жизни не даёт – вставляет палки в колёса, сливает информацию, даже крадёт. В общем, всё в таком духе. А Вем хочет от него отделаться. Вот и придумал соблазнительную приманку.

– Даже слишком соблазнительную.

Вдруг Керен отталкивается от ограждения и идёт к веранде бара. Мускулистый охранник, которого за тем и поставили, чтобы с улицы не заходил кто попало, спокойно пропускает Керена. Тот достаёт сигарилло, прикуривает от жаровни и возвращается, окружённый облаком сладкого, всюду проникающего запаха курительного лишайника.

Стоим и молчим. Керен, как всегда, предлагает закурить и мне. Я, как всегда, отказываюсь. Жду, когда он докурит. Керен никогда не отвлекается от сигарилло. В это время с ним о важных вещах разговаривать бесполезно.

– Нашёл, кого ты просила, – произносит Керен и бросает окурок на променад.

– Где?

– В квартале за Главной площадью. – Керен называет адрес. – Ну что, мы квиты? Сама знаешь за что.

– Пожалуй, да, – соглашаюсь я.

Мы с ним всё время играем в эту игру – долг за долг, услуга за услугу. Некоторые без денег и пальцем не шевельнут, но Керен не из таких. Он обменивает информацию на информацию из любых источников. Хочет знать всё. Я его за это уважаю.

Расходимся в разные стороны. Я рада остаться наедине. Нужно сосредоточиться и выдавить из себя всю чувствительность, всю сентиментальность. В деле, которое я наметила, лишние чувства только помешают.

* * *

Моя цель на пятом этаже дома, прячущегося в лабиринте узеньких улочек. В районе вокруг Главной площади здания все сплошь высокие и стоят вплотную друг к другу. Кажется, с одного балкона можно с лёгкостью перемахнуть на противоположный. Фигурные окна с резными ставнями и витражами светятся зелёным. Иногда до меня долетают обрывки разговоров и смех. Где-то в этом лабиринте прогуливаются под руку парочки.

Поднимаюсь по зигзагообразной лестнице, шагаю мимо ниш, в которых скрываются двери. Наверху отыскиваю нужную. Она ничем не отличается от других – такая же полированная, в такой же резной деревянной арке. Вдалеке раздаётся едва слышный звон колокола.

Из-под двери струится тёплый свет. Отлично. Значит, дома. Откидываю плащ, чтобы было видно рукоятку обсидианового клинка, и стучусь. Проходит некоторое время. Наконец слышу шаги.

Дверь открывается. На пороге стоит крепкий, сильный мужчина средних лет. Наёмная сила. Увидев на моём плече

эмблему Кадрового состава, он бледнеет.

– Нельзя открывать всем подряд, – говорю я и толкаю дверь. Применяю боевой захват, втыкаю прямые пальцы ему в горло, большой – под подбородок. Сотрясаясь от мучительной боли, тот не в силах сопротивляться. Грубо вталкиваю его внутрь. Швыряю на письменный стол. Свитки пергамента летят в разные стороны, чернильницы разбиваются на осколки.

Всего в комнате четыре человека, считая мою жертву. Один из них – Экан, ради которого я сюда и пришла. Толстый, лицо заплыло жиром, в глазах удивление. Остальные – так, его головорезы.

Экан боялся, что на него могут напасть.

Двое его прихвостней подбираются ко мне с двух сторон. Один схватил металлический подсвечник, у второго кинжал. Он опаснее, поэтому атакую сначала его. Неуклюже замахивается – драться на самом деле не умеет, да и оружие у него так себе. Молниеносно подлетаю к увальню, хватаю его за запястье и бью коленом в локоть, который с щелчком выворачивается.

Теперь идёт в атаку второй. Закрываюсь от него первым. Не успев остановиться, тот ударяет своего товарища подсвечником по плечу. Обхватываю рукой его шею и ломаю её, отталкиваю первого в сторону и прыгаю на второго.

Он замахивается ещё раз. Уклоняюсь и целю прямо в нервный узел. Мой противник роняет подсвечник, бью его

головой в переносицу. От женщины он такого явно не ожидал. Едва успел закричать, а я уже нанесла короткий, беспощадный удар в солнечное сплетение. Он, пошатываясь, отступает, сгибается и хватается ртом воздух.

Тот, что открыл дверь, успел оправиться и теперь рассчитывает захватить меня врасплох. Зря. Все они – просто шайка уличных хулиганов, в лучшем случае подпольных борцов. Против боевых искусств эти мужланы бессильны. Уворачиваюсь от удара и, схватив нападавшего за руку, перебрасываю через плечо. Он, конечно, весит больше меня, но в этом случае преимущество можно обратить против него. Головорез с грохотом падает на пол, и я наношу решающий удар в шею, в гортань.

Перекатываясь, вскакиваю и готовлюсь к новой атаке. Желających нет. Достаяю клинок, приближаюсь к последнему оставшемуся противнику и перерезаю ему горло. После чего наконец поворачиваюсь к Экану.

– Сам знаешь, почему я здесь, – говорю я.

Экан чуть не плачет, от страха он совсем перестал сообщать.

– Послушай... не надо... ты не...

– Зря стараешься, – перебиваю я. – Тебя предупреждали.

– Мы уедем! – выкрикивает Экан. В глазах его вдруг мелькает надежда. – Мы можем уехать. Ты про нас больше не услышишь!

– Раньше надо было думать, – отвечаю я. – Семья Кара-

касса не любит, когда идут против них и сбивают их цены.

– Нет... нет... – умоляет Экан, не сводя глаз с моего клинка. На пол капает кровь. – Я простой аптекарь! Мне же надо зарабатывать на жизнь!

– Ты продаёшь продукцию моего хозяина по заниженным ценам, – отвечаю я.

– Это всё моё! Мои зелья!

– Рецепты ты украл у нас, Экан. Ты это знаешь. Я это знаю. Если тебе это сойдёт с рук, к концу сезона вас таких будет человек десять. А у меня есть дела и поважнее, чем с вами разбираться.

– Не трогайте его! – раздаётся новый голос. В дверях появляется супруга Экана. Худенькая блондинка, даже и не поверишь, что такая женщина может казаться грозной. – А ну пошла отсюда!

Вижу сзади рыдающего ребёнка, вцепившегося в платье матери. Девочка переводит взгляд с мёртвых тел на перепуганного до смерти отца.

– Уведи дочку, – приказываю я.

Лицо жены Экана искажает гримаса ярости.

– Наёмница паршивая! Своего ума нет, только и можешь, что хозяйские приказы исполнять! Да не будет он больше их продавать! Не будет!

– Не буду! Клянусь! – восклицает Экан. – Мы можем уехать. Прямо сейчас, а ты скажешь, что не застала нас, и никто ничего не узнает!

– Я знаю. Этого достаточно, – указываю на девочку. – Уведите её. Не надо ребёнку это видеть.

Повисает пауза. Экан лихорадочно соображает, что предпринять. Наконец сдаётся, и взгляд его тускнеет. Я победила. Он смирился со своей судьбой.

– Иди, – велит Экан жене. А сам весь трясётся. – Я скоро. Сдерживая слёзы беспомощной ярости и горечи, та уходит, ведя ребёнка. Дверь захлопывается, и девочка начинает рыдать ещё громче.

Заставляю Экана положить руки на столешницу. Сметаю в сторону счета и прочие бумаги. Втыкаю клинок в стол и достаю широкую полосу кожи.

Экан в ужасе глядит на неё:

– Это для чего?

– Жгут наложить, – отвечаю я. Наклоняюсь. – У тебя которая рука не рабочая?

До дома идти далеко, но я люблю ходить пешком. Наслаждаюсь мирной тишиной, простором безлюдных улиц. Прозвенел колокол, знаменующий конец оборота. Скоро город начнёт просыпаться. На такой глубине дней и ночей как таковых нет, поэтому люди ориентируются во времени, считая обороты.

Район Корни расположен по направлению к полюсу, у самой стены пещеры. Дома здесь не строят, а вырубают внутри гигантских корней микоры, огромных грибов с широкими

шляпками, которые растут на поверхности, отбрасывая на равнины обширную тень. Рейта много про них рассказывала. Но расы, живущие на глубине, не интересуются тем, что делается на поверхности. Микора для них – просто разветвлённые корневые системы, проникающие на огромную глубину сквозь землю и камень. Здесь корни микоры проросли сквозь стену пещеры, и богатые превратили их в свои дома.

Апартаменты Каракасса издаലെка представляют собой каскад тускло светящихся окон всех возможных форм и размеров. По всей длине серых корней тут и там виднеются керамические купола и приземистые башенки. Сады и дворы органично встроены в ландшафт. Весь комплекс кажется скорее природным образованием, чем делом рук человеческих, и представляет собой высокий конус, мерцающий в темноте мириадами огоньков. Одновременно и красиво, и внушительно.

Два корня внизу служат входом. К ним прикреплены богато разукрашенные ворота из бронзы. Створки распахнуты, рядом дежурят четверо охранников в красно-чёрных ливреях клана Каракасса, в руках у них копья с двойным клинком. Меня помнят в лицо, поэтому пропускают сразу, поприветствовав короткими кивками.

Шагаю мимо двора, где вдоль подъездной дорожки разбиты сады из кристаллов и разноцветных грибов. С другой стороны – стойла. Неподалёку слуги чистят повозку, готовя её к выезду.

Внутри апартаментов тепло и уютно, хотя по всей Вейе температура держится прохладная. Коридоры большие и похожи на туннели. Стены выложены полированными панелями корневого дерева, на потолках висят лампы. Повсюду картины и другие произведения искусства, включая несколько небольших скульптур деда Ринна. Мимо меня проходят горничные в красных формах, лица скрыты вуалями. Должно быть, кроме них, все спят.

По коридорам и винтовым лестницам направляюсь к нашим апартаментам. Внутри темно. Подхожу к большому круглому окну с видом на город и сквозь узорчатую решётку смотрю вниз. С такой высоты вид на Вейю открывается просто завораживающий.

Думаю о том, что сделала сегодня. Хозяева дают мне много разных заданий, но это, запугивание и наказание провинившихся, самое неприятное. Хотя Экан, конечно, сам виноват. Правила ему известны.

Иду в спальню. Под одеялом в темноте зашевелилась гора. Ринн что-то бубнит, но слишком тихо, ни слова не разобрать.

– Это я, – говорю на всякий случай.

Ринн ворочается.

– Где была? – бормочет он.

Раздеваясь на ходу, подхожу к кровати и ложусь на свою половину. Ринн сонно обнимает меня.

– Пройтись выходила, – отвечаю я, но Ринн уже спит.

Глава 26

Помаленьку выздоравливаю, и меня снова выгоняют на работу. Опять поднимаю и опускаю знакомые металлические решётки, сквозь которые течёт всё тот же мутный поток расплавленных минералов.

И снова Фейн мой напарник. Сначала я боялась, что он встретит меня бурными изъявлениями благодарности или начнёт жалеть, или ещё хуже – будет терзаться угрызениями совести и винить себя. Но ничего подобного. Фейн приветствует меня застенчивой улыбкой. В первый раз вижу, как он улыбается. Потом, ни слова не говоря, берётся за работу. Он опускает, я поднимаю, он поднимает, я опускаю. Сегодня особо не напрягаюсь и позволяю Фейну задавать удобный для него темп. Больше не чувствую необходимости нарочно себя мучить. Я и так измучена.

Проходит некоторое время, и вдруг изо рта будто сами собой начинают литься слова. Я больше не могу молчать. Теперь бывшая необщительность кажется мне глупой. Жизнь продолжается, и я не намерена проводить её в одиночестве. Разрываюсь от потребности что-то сказать, что угодно. Поэтому выпаливаю:

– У меня сын твоего возраста.

Фейн, наблюдавший за серой жижей, льющейся по траншее, вскидывает удивительно густые ресницы.

– Какое есть его имя?

– Джей. Он младший офицер в эскаранской армии.

Тут надо бы чувствовать гордость, но ощущаю лишь страх. Что ж, я уже привыкла.

– Можно спросить, какое есть твоё имя?

– Орна.

Фейн молчит. Я продолжаю. Начав, остановиться уже не могу. Я вообще-то от природы разговорчивая, и теперь дамбу наконец прорвало. Я хочу говорить.

– Ты Дитя Солнца, да? – напрямик уточняю я.

– Нас ещё зовут Далёкие. Мы на наш язык зовём себя Сура Сао.

При последних словах его странный горловой акцент становится особенно явным.

– А правда, что вы живёте на поверхности? И никогда не спускаетесь под землю?

Фейн смеётся:

– Неправда. Бывает, спускаемся. Да, мы живём на поверхность, под небо. Охотимся на звери, а звери – на нас. Едим растения Каллеспы, путешествуем иногда. Но у нас тоже есть дома, как ваши, мы живём в пещеры и строим города.

Фейн поднимает голову к потолку кузницы, который в дыму и не разглядишь.

– Гой-шыю начинается, – грустно произносит он. – Скоро мои люди перейдут на другое место.

– Что начинается?

– Сезон ночей.

– А у нас он называется сезон спор, – рассказываю я. – Начинает дуть ветер, и грибы размножаются. В середине сезона спор становится так много, что кое-где их из моря ведрами вылавливают.

– Понимаю, – говорит Фейн. – Можно тебя просить? Если буду плохо говорить ваш язык, исправляй. С тобой говорить полезнее, чем с мучителем.

– Ты, наверное, хотел сказать – с учителем, – усмехаюсь я. – Мучитель – это тот, кто кого-то мучает. Хотя, конечно, и такие учителя бывают.

Фейн улыбается:

– Видишь? Уже учусь. Хочу первый из наших поступить в университет в Бри Атке.

– В Бри Атке? В эскаранский университет?

– Конечно. Где ещё есть Бри Атка?

– Произведёшь фурор, – говорю я. Фейн не понимает. Говорю проще и медленнее: – Все очень удивятся.

– Понимаю.

– Кое-кто из наших вообще не верит, что ваш народ существует.

Фейна это смешит. Его смех заставляет остановиться проходящего мимо охранника. Тот рывкает на Фейна по-гуртски, чтобы тот не отвлекался от работы. Фейн с пристыженным видом берётся за дело, весёлости как не бывало. Но когда охранник отходит и скрывается в темноте кузницы, Фейн

поднимает голову и хитро улыбается мне. Невольно улыбаюсь в ответ. Уж и не припомню, когда в последний раз это делала.

– У нас рассказывают историю про ваших людей, – начинает Фейн. – Давным-давно все люди жили наверху. Гурта, эскаранцы, Дети Солнца, банчу, хааду. Все были одна раса, с'тани. У вас это слово значит «старики», но это не очень правильно. С'тани были большой урод...

– Народ, – механически поправляю я. И тут же качаю головой, удивляясь самой себе. – Извини. Всё, молчу.

– Я хочу, чтобы ты исправляла.

– Так ты никогда свою историю не расскажешь. Будем застревать на каждой ошибке. Давай я тебя потом учить буду. А сейчас просто говори.

Мальчик так удивился, что даже замер, и я сбилась с ритма.

– Будешь меня учить? – переспрашивает он.

И только тогда осознаю, что предложила давать ему уроки. Причём абсолютно искренне и добровольно.

Всё больше становлюсь похожа на себя прежнюю. Как будто изнутри отторгается некое инородное тело, душевная заноза. Несмотря на боль, тело моё кажется более лёгким и подвижным, чем раньше. Чувства обострились. Больше не кажусь себе отстранённым наблюдателем, следящим со стороны за всем, что творится вокруг.

Кажется, что прекращать горевать – предательство. Но на

самом деле я всё ещё горюю. Стоит только подумать о Ринне, и грудь сжимается так, что начинаю задыхаться. Но теперь горе не разрушает меня изнутри. Внутри начинает возникать что-то новое. Я это чувствую, но как назвать, пока не знаю.

А ещё у меня есть Джей. Он сейчас где-то на фронте. А дома в ящике спрятано письмо для него. Письмо, о котором никто, кроме меня, не знает.

– Ты нормально? – беспокоится Фейн. Я уже долго молчу.

– Нормально, – отзываюсь я. – Значит, договорились? Буду тебя учить.

– А я тебя научу про с'тани, но потом, – говорит Фейн. Он понял, что сейчас голова у меня занята другим и слушать внимательно я всё равно не смогу. Поразительная чуткость у этого паренька.

Некоторое время работаем молча, и я в первый раз по-настоящему задумываюсь – какая всё-таки цель у нашей работы? Не может быть, чтобы никакой, как мне раньше казалось. Может быть, поднимая и опуская решётки, мы дробим твёрдые части отходов? Или просто взбалтываем их, чтобы не свернулись? Я не учёный, во всех этих тонкостях не разбираюсь. Но вдруг мне становится очень любопытно. Как-то неохота делать то, смысла чего не понимаешь. Это раньше мне было всё равно, а теперь ситуация поменялась.

На следующий оборот Гендак вызывает меня снова. На этот раз обходится без вступления с битьём и одиночным за-

ключением. Очень любезно с его стороны. Вооружённые ножами охранники ведут меня в его кабинет. Там меня снова пристёгивают к креслу. Убедившись, что я привязана надёжно, охранники уходят. Но Гендак всё равно старается ко мне не приближаться. Сидит на расстоянии. Не хочет рисковать.

– Почему вы только со мной разговариваете? – спрашиваю я.

– Вы необычный человек. Женщина из Кадрового состава. У вас женщины редко участвуют в битвах.

– Кадровый состав – это особый случай. Нам дают разные поручения, иногда и на фронт отправляют.

– И много у вас женщин?

– Несколько, – отвечаю я. В этот раз у меня нет ни малейшего желания подстраиваться под Гендака. Он явно усыпляет мою бдительность, задавая вопросы, ответ на которые мог бы узнать и сам. Гендак хочет, чтобы я утратила бдительность, начала доверять ему. Скоро заведёт разговор на более серьёзные темы. Решаю взять инициативу в свои руки.

– Я тут единственная женщина. Почему?

– Мы не берём в плен взрослых женщин. Если во время набегов берём в плен девочек, они становятся рабынями. Вырастают в наших домах и становятся служанками. У нас таких слуг много.

Интересно. Я ни одной не видела. Должно быть, в тюрьме они не работают.

– А взрослых женщин, значит, не похищаете?

– Нет, только убиваем. Женщин в тюрьме содержать слишком сложно. Из-за них среди мужчин возникают беспорядки.

– А почему для меня сделали исключение?

– Я уже сказал – вы необычная. Солдаты растерялись. Не знали, как с вами поступить. Вот и привезли вас сюда. – Гендак задумчиво хрустит костяшками пальцев. – Вы до сих пор живы только благодаря мне. Многие предпочли бы от вас избавиться. Вы уже доставили нам немало проблем.

– Так отселите меня в отдельную камеру, – предлагаю я. А что, это мысль. Чем меньше охраны, тем легче сбежать.

– К сожалению, не получится. На такое моего влияния не хватит.

Снова умолкаем. Смотрю на Гендака. Жду, что он скажет.

– Вы должны понять – в нашем обществе строго наказываются люди, нарушающие законы. А всё эскаранское – одежда, политика, сексуальная невозддержанность... По уровню культуры вы стоите не выше животных. Дело не в том, что гурта жестоки. Просто вас принято рассматривать как отстающих, неразвитых.

Понимаю, что Гендак просто пытается объяснить поведение моих тюремщиков с объективной позиции, но ответ мой звучит ядовито.

– Мы не *нарушаем* ваши законы, – говорю я. – У нас они даже за законы не считаются. Ваши порядки – полный бред, у себя мы их устанавливать не намерены.

Гендак мрачнеет. Его разозлили мои уничижительные высказывания об их самом уважаемом и почитаемом руководителе.

– Да, конечно, для вас значение имеют одни лишь деньги. Кто богаче – тот и сильнее. Такова ваша плутократия. Вашим обществом правят купцы, позабывшие о морали.

– А вашему обществу смелости не хватает хоть на шаг отступить от традиций. Слова первого человека, который написал о своих взглядах в книге, превратили в законы. Объясните, как могут люди с такими развитыми культурой и искусствами быть настолько отсталыми в юридических вопросах?

У Гендака так и рвётся с языка сердитый ответ, но он понимает, что я его провоцирую. Я вижу, как он сдерживается. Слова Гендака звучат холодно, однако без малейшей злобы.

– А если бы всё было наоборот и эскаранцы захватили гуртскую женщину? Как бы вы с ней обошлись?

– Трудно сказать, – отвечаю я. – Ведь у ваших женщин есть милая привычка совершать самоубийства, лишь бы не сдаваться в плен.

– Эта традиция называется маацу. Они скорее готовы умереть, чем быть обесчещенными. Таков их выбор. В этом истинное благородство гуртских женщин.

– Да уж, очень благородное. Слышала, на совершеннолетие вы дарите девушкам склянку с ядом, чтобы они вешали её на цепочку и носили на шее. А что будет, если в момент

опасности женщина своей склянкой не воспользуется?

Можно подумать, я и так не знаю.

– Её либо изгонят, либо казнят.

Приподнимаю брови и многозначительно гляжу на Гендака.

– Долг гуртской женщины – сделать всё возможное, дабы не покрыть себя позором, – произносит он.

– А как определить, что позор, а что – нет?

– По законам, – поясняет Гендак.

– Ну конечно, – киваю я. – Правитель Маал предусмотрел все случаи жизни. Что носить, как совершать ритуалы, как себя вести, каким оружием пользоваться, какие слова произносить в разных ситуациях, на каких женщинах жениться... Когда уж ваши люди научатся жить своим умом?

– Вы читали законы? – удивлённо восклицает Гендак.

– В переводе, – вру я. На самом деле я прочла оригинал, от корки до корки. Книга представляет собой перечисление правил, регулирующих все стороны жизни гурта. Сочинил их древний гуртский диктатор, и за неисполнение законов полагаются жестокие наказания. Династия Маала включает в себя двадцать пять поколений. Только недавно она прекратила своё существование в силу естественных причин. Каждый потомок следил за тем, чтобы законы продолжали соблюдаться и впредь. Со временем их соблюдение превратилось в неперемнное условие жизни общества. Спорить с ними или пытаться изменить в настоящее время – чуть

ли не святотатство. Традиции поддерживаются Старейшинами и Законниками, да и наказания, насколько мне известно, ничуть не смягчились. С гурта обсуждать преимущества и недостатки законов Маала бесполезно. Они для них уже настолько естественны, что гурта вообще не понимают, как можно жить по-другому.

Гендак молча разглядывает меня. К его долгим паузам я уже привыкла. Разговаривать с ним я не против, но он ничего от меня не узнает. Наоборот, сама постараюсь что-нибудь вызнать. Может, Гендаку и правда интересно услышать мою точку зрения, а может, он собирает информацию, чтобы потом использовать её против нас. Пока я согласна ему подыграть. Кроме того, Гендак ясно дал понять: буду упрямыться – потеряю его защиту. А если это случится, мне тут и пяти минут не выжить.

– Расскажите, кто такие Должники.

– Должник – это человек, который обязуется оплатить свой долг перед кланом пожизненным служением, – осторожно отвечаю я. – Например, человек берёт у клана деньги в долг или просит о какой-то услуге. Он должен возратить клану соответствующую сумму или оказать соответствующую услугу, а если человек этого не сделал, он принимает на себя пожизненное служение. Чем больше долг, тем больше поколений в семье должны служить клану. Мой долг распространяется только на одно поколение, на меня. А в самых серьёзных случаях служить обязаны по семь поколений.

– Значит, у вас в Эскаране дети с рождения становятся рабами? Кстати, а у вас самой есть дети?

– Нет, – отвечаю я. Не собираюсь рассказывать этому человеку ни про Джея, ни про Ринна. Этого он из меня не вытянет. – Пожизненное служение – дело добровольное, никто никого не принуждает. Это сознательный выбор.

– Но у ребёнка нет выбора.

Вспоминаю Ринна. Он был как раз одним из тех, к кому пожизненное служение перешло по наследству. Его это всегда злило.

– Выбор, сделанный родными и близкими, влияет на жизнь любого ребёнка, и с этим ничего не поделаешь.

– И за что же вас заставили принять это пожизненное служение?

– Никто меня не заставлял, я сама решила. Клан Каракасса оказал мне величайшую услугу, когда мне было десять лет. За это я поклялась служить им всю жизнь.

В моем голосе невольно звучит гордость. Поворачиваюсь в кресле, чтобы Гендак мог видеть моё голое плечо.

– Этот знак – символ клана, которому я поклялась в верности. Тот, что на лице, означает, что я – Должница. Ни один другой клан не даст мне работу. Даже самую чёрную. Никто не рискнёт, побоятся. Поссориться с кланом Каракасса – значит с голоду умереть.

Гендак откидывается на спинку кресла и изучает меня своими бледными, мёртвыми гуртскими глазами. Некоторые

романтичные дураки считают гурта элегантными, изящными, наделёнными особым обаянием. Я же вижу только нездоровую бледность, и глаза у них будто плёнкой затянуты. И ничего поэтического в их напевной речи нет. Наоборот, звуки на редкость отвратительные и вдобавок зловещие. Значит, если поймёшь врага, легче будет с ним поладить? Я понимаю гурта как никто другой и от этого ненавижу их только сильнее. Ринн бы, как всегда, сказал что-нибудь правильное. Например, так – *ты замечаешь только то, что хочешь. А хочешь ты их всех ненавидеть за то, что они с тобой сделали.* Это и раньше было правдой, а теперь – тем более.

– Стало быть, у вас существует система долгового рабства. Для нас это такая же дикость, как для вас – наши порядки, – задумчиво произносит Гендак. – Мы, по крайней мере, не поработаем своих же соотечественников. Впрочем, допускаю, что нет хороших и плохих народов, всё дело в точке зрения.

– Нет, – возражаю я. – Всё в дело в том, кто одержит победу. Кто победит, тот и прав.

Столовая представляет собой прямоугольный каменный зал с девятью длинными столами, расставленными вокруг центрального очага, в котором варится или жарится на решётках и шампурах пища для заключённых. Тут ещё жарче, чем в камере. Теперь, когда я по-настоящему стала чувствовать себя пленницей, так и хочется вырваться на свободу.

Если не считать разговоров с Гендаком, жизнь моя ужасно однообразна. Кузница, столовая, двор, камера. В другие части тюрьмы нас не водят.

В этот раз нам сварили похлёбку с клёцками из спор. В миске плавают хрящи пополам с жиром. Я вообще не особо брезглива. К тому же понимаю – надо набираться сил. Первое время я ела просто потому, что не хотела привлекать к себе лишнего внимания. Так было проще. Но теперь проглатываю всё на огромной скорости. С набитым ртом разговариваю с Фейном, да ещё и ложкой размахиваю. Не знаю, что на меня нашло. Вдруг откуда ни возьмись появились силы, и я понимаю, что мне *хочется* есть. Теперь я снова начала ощущать вкус пищи. Впрочем, в этом конкретном случае лучше бы не ощущала.

Фейна очень радуют произошедшие со мной перемены. Вдобавок ему теперь есть с кем поговорить. Оба мы до сих пор ели в полном молчании. Зато теперь на нас смотрит вся столовая.

Рассказываю всё, что разузнала про нашу тюрьму. Фейну это очень интересно. Я многое узнала, слушая разговоры других заключённых. Да и охранники при нас даже голос не понижают. Ну как же, кто, кроме них, может понимать их великий язык?

С первого дня Фейн стал среди заключённых отверженным, поэтому не знает самых простых вещей. Впрочем, причина, возможно, в том, что он не дал себе труда выяснить

нужную информацию. Фейн вообще кажется мне удивительно пассивным, особенно в такой непростой ситуации.

Вот я и рассказываю ему всё, что знаю. Нас держат в гуртском форте под названием Фаракца, находится он у самой границы. Мастерские, а также наша кузница, прачечная и пекарня располагаются в самом центре форта. Поблизости от них – половина, отведённая учёным, а наши камеры – в пещерах под фортом.

То, что я выяснила от Гендака, все и так знали. Нас здесь держат потому, что мы можем принести какую-то пользу – среди прочего, для врачей или экспериментаторов. Мне с Гендаком повезло, он со мной просто разговаривает, а с другими жертвами учёных происходят поистине ужасные вещи – их разбирают на органы, на них испытывают новые лекарства, на них заклинатели отрабатывают хтономантические процедуры. После всего этого несчастные не выживают. Законы запрещают гурта поступать подобным образом с соотечественниками, однако о других народах никто не позаботился.

Ходят слухи, скоро сюда прибудет один из Старейшин. Они вроде наших заклинателей камня. Только у нас такие люди к политической власти не стремятся, а у них Старейшины контролируют всю законодательную сферу. Вернее, новых законов они не издают, а сохраняют уже имеющиеся. Эти люди следят за исполнением воли Маала через много лет после его смерти, и власть их неоспорима. Так диктатор

правит своим народом даже из могилы.

Заключённые боятся его прибытия. Старейшина ещё страшнее врачей. Говорят, его подопытных приковывают цепями в подвале, и многие из них остаются калеками.

– Кажется, догадалась, – говорю я Фейну. – Вот для чего они наблюдают за нами во дворе и меняют распорядок дня. Или то отменяют купание, то снова введут. Следят, как это на нас влияет.

– Может быть.

– Попадись мне эти врачи, – бормочу я, – возьму нож и быстренько им покажу, как надо правильно резать.

Фейн отводит глаза. Кажется, мой тон его беспокоит.

– Они сделали тебе зло, – произносит он. – Они тебе не просто враги.

Этот парень будто читает мои мысли. Всё ловит на лету.

– Они убили моего мужа, – говорю я, прежде чем успеваю остановиться. Слова вылетают сами собой и повисают в воздухе. Горло сжимается, на глаза наворачиваются слёзы. Злясь на саму себя, опускаю взгляд. Нет, плакать я не собираюсь.

Фейн долго молчит. Наконец произносит:

– Понимаю.

Уж кто-кто, а Фейн и правда понимает.

– Но твой сын живой.

Поднимаю глаза:

– Ты этого не знаешь.

– Я одно знаю – ты живая, – отвечает Фейн, да так самоуверенно, что придушить его хочется. – А ведёшь себя, будто нет.

– Кто бы говорил! – взрываюсь я. – А ты сам разве не сдался? Сидишь тут и ничего предпринять не хочешь.

– Я не сдался нисколько, – возражает Фейн. – Я жду. А ты сдалась.

От злости ударяю по столу.

– Я никогда не сдаюсь, понял?! – ору в ответ.

Сидящие рядом заключённые оглядываются, а Фейн невозмутимо смотрит на меня, будто терпеливый родитель на разбушевавшегося ребёнка. Чувствую себя ужасно глупо. Готова сквозь землю провалиться. Снова продолжаю есть. Постепенно другие заключённые отворачиваются и начинают болтать друг с другом. Охранники расслабляются.

Некоторое время ем молча, в голове крутятся мрачные, яростные мысли. Фейн заставил меня взглянуть на себя со стороны, и то, что я увидела, мне не понравилось.

Я совершенно заиклилась на себе. Забыла обо всём, предавшись горю. Не помнила, кто я и что я. Спряталась за переживаниями, будто за защитной подушкой. Но с меня хватит.

У меня есть обязанности. Дела. Жизнь, к которой я должна вернуться. У меня есть сын, который, возможно, считает меня погибшей. Но я жива. И вообще, я из Кадрового состава или нет? Никто не смеет держать меня под замком.

Фейн наблюдает за мной, и я понимаю – он знает, о чём я думаю. С удовлетворённым видом парень возвращается к еде, а у меня внутри всё кипит.

Пора наконец выбираться отсюда.

Глава 25

Гурта даже представления не имеют, с кем связались. Все их жалкие предосторожности меня не удержат. Скоро я вырвусь из их тюрьмы.

Такой бодрой и активной не была ни разу в жизни. Поведить не могу, что та молчаливая, унылая тень, которую сюда привезли, – это я. Как я могла проявить такую слабость? При одной мысли передёргивает.

Надо было с самого начала готовить побег, вместо того чтобы упиваться собственными страданиями. Мой сын где-то там, далеко, воюет. Мне отлично известно, что система связи у нас работает медленно. Скорее всего, из Корока ещё даже не сообщили, что произошло. Джей не знает, что его отец убит, а мать пропала без вести. Невыносимо думать, что он может считать меня погибшей. Как представляю, как ему об этом сообщает какой-нибудь чиновник в грязном бараке в какой-нибудь дыре около границы...

Джей не знает, что я выжила. А я не могу быть уверена, что жив он. Но я должна разыскать Джея. Теперь это для меня самое главное. Необходимо сказать сыну, что он может возвращаться домой. Его отец погиб достойной смертью. У Джея нет причин оставаться на фронте. Дома я храню письмо, которое может выволить его из армии. Джей вернётся в университет. Снова будет со мной, с Рейтой, в безопасности.

Главное, чтобы с ним не успело ничего случиться.

Я внимательна и бдительна, от моего взгляда ничто не ускользает. Запоминаю, кто из охранников терпеть не может друг друга, кто с кем играет в фишки. Кто кому должен денег. Когда нас ведут из кузницы в камеру, из камеры во двор, из двора в столовую, запоминаю расположение коридоров. В уме выстраиваю схему этого места и, сидя в тёмной камере, представляю, как иду в одну сторону или в другую.

Начинаю замечать, что охрану совершенной не назовёшь. Их люди небрежны – ещё бы, уверены, что из форта, где размещён гарнизон, не убежишь. Думают, если запирают двери, ведущие в другие части здания, всё будет в порядке. Периметр тюремной секции тщательно охраняется, но внутри к этому делу относятся халатно. Охранники никогда не устраивают переключек, не пересчитывают заключённых, не сверяются по спискам. В кузнице мы постоянно меняемся друг с другом местами, а им всё равно, лишь бы работа была выполнена. Заключённых время от времени забирают. Одни возвращаются, другие нет. Никто ни за кем не следит. Исчезнешь – даже не хватятся.

Законы у гурта, конечно, суровые, но от природы они народ неорганизованный. Ими управляет общество, и сами себя контролировать гурта вовсе разучились. Люди они легкомысленные, в их учреждениях среди работников вечно царят какие-то склоки и свары. Их армия в основном терпит поражения как раз из-за всей этой расхлябанности. Готовность

жизнь отдать за дело – это, конечно, хорошо, но без чёткой системы и дисциплины далеко не уедешь.

Мне про гурта всё известно. Сумела сбежать один раз, сбегу и во второй.

Начинаю обдумывать план. От многих вариантов приходится отказаться. Иначе меня обнаружат в два счёта. Охранники обратят внимание, если дверь будет открыта или пропадёт ключ, и обыщут весь форт сверху донизу. Вряд ли я смогу скрыться ото всех, кто-нибудь меня непременно поймает.

Кроме того, есть одна дополнительная трудность. Я бегу не одна. Со мной будет Фейн.

Даже думать не хочу, зачем беру его с собой. Конечно, бросить его здесь – значит обречь на верную гибель, но само по себе это не причина. Тут все в равном положении, вся тюрьма. Не появись я здесь, его бы так и колотили сокамерники.

В любом случае этот парень мне никто, и я за него не отвечаю. Вот и всё.

Но почему-то сама себе не верю, когда так думаю.

Оказалось, Фейн парень скрытный. На любые вопросы, как ему здесь сиделось до меня, отвечает уклончиво. Когда рассказывает о прошлом, начинает всегда издали, потом скатывается на общие темы, и вообще предпочитает говорить о других, а не о себе. Может, это у него повышенная скромность. Не знаю. Через некоторое время у меня накап-

ливается достаточно отрывочных фактов, чтобы составить из них историю его пребывания в тюрьме. Сначала он вызывал у учёных большой интерес, но на все вопросы отвечал на родном языке, скрывая, что знает эскаранский. Фейн не хотел, чтобы его расспрашивали о жизни Детей Солнца. Его народ не любит выдавать свои секреты посторонним.

Долгое время учёные пытались расшифровать речь Фейна, но у них ничего не вышло. В конце концов им это надоело и они решили переключиться на работу, от которой толку больше. Сами гурта его не трогали – видно, надеялись, что может ещё пригодиться, – но не вмешивались, когда другие заключённые его избивали.

Но это всё не важно. Главное, без помощи Фейна мне не обойтись. Я недавно придумала план, но в одиночку его не осуществить, нужен помощник. Даже два, если на то пошло. И вот со вторым мне разговаривать совсем не хочется.

Это тот самый человек, который хотел меня изнасиловать, когда я была без сознания.

Чарн.

В основном заключённые побаиваются меня и робко демонстрируют дружелюбие. Кивают в столовой, машут рукой из другой части кузницы. Во дворе тощий хромой эскаранец приглашает меня сыграть в игру собственного изобретения. Начертил на земле клетки, вместо фишек набрал камешков. В правилах много серьёзных упущений, поэтому победить

легче лёгкого. Но на некоторое время я отвлеклась от забот, а под конец даже развеселилась.

Оказалось, хромого эскаранца зовут Джут, он издатель из Вейи. Поехал в приграничную деревню, чтобы встретиться с автором. Тот написал ему интригующее письмо, обещая необыкновенную книгу. Но пока Джут там находился, гурта каким-то образом перешли границу и совершили набег на деревню. Писателя убили, рукопись сгорела вместе со всей деревней, а Джута взяли в плен, после того как его оглушило ударом горячей балки по голове. Джут приподнимает сделанный из какой-то тряпки головной убор и показывает шрамы на лишённой волос голове. Потом – ещё более страшные, на спине.

– Но самое печальное то, – рассказывает Джут, – что я успел прочитать отрывок романа, прежде чем нагрянули эти варвары. Это было поистине гениальное произведение. Лучше бы мне его не читать. Тогда бы не жалел, что оно навсегда потеряно.

Чарн и Нерейт о чём-то тихо переговариваются со своими дружками, время от времени бросая на меня взгляды. Сомневаюсь, что им хватит смелости что-то мне сделать. Знают же, им это с рук не сойдёт. Боятся меня, боятся мести Гендака. Теперь меня водят к нему регулярно, а значит, пока я в безопасности. Если кто-то на меня нападёт, гурта захотят узнать, кто в этом виноват.

А между тем Гендак всё ближе и ближе подбирается к те-

мам, касаться которых я не хочу. Расспрашивает про Ледо, про клан Каракасса. Про вещи, о которых из обычных источников не узнаешь. Всегда найдутся предатели, готовые продать гурта информацию, так что всё, о чём у нас в Эскаране известно каждому, можно рассказывать свободно. Но Гендак исхитряется, ищет правильный подход, задаёт скользкие вопросы. Когда я ухожу от ответа, не настаивает, но постепенно подкрадывается всё ближе к делу. До сих пор не поняла, что им движет – научный интерес? Или Гендак собирает информацию, которую гурта смогут использовать? В любом случае прямого конфликта не избежать. И ничем хорошим это не закончится.

Мы с Фейном обсуждаем мой план, рассматриваем другие варианты. Несмотря на пассивность, Фейн удивительно бесстрашен. Как только мы решили, что сбежим, ни разу не засомневался. Их народ не боится ни смерти, ни наказаний. Судя по всему, это у них такая жизненная позиция – ни из-за чего не дёргаться. Фейн всё это как-то покрасивее объясняет, но суть я всё равно не поняла. Так, уяснила в общих чертах. Если что-то случилось, с этим уже ничего не поделаешь. Живи настоящим, а о будущем не думай. Ты его всё равно знать не можешь, вот и не тревожься. Всё, что происходит, – естественно и закономерно. Просто делай, что считаешь правильным, вот и весь секрет.

Не знаю, типичный Фейн представитель своей расы или нет. Если да, нервы у них там железные. Но при этом реше-

ния принимают мгновенно. Когда Фейн сказал, что ждёт, он как раз это и имел в виду. Ждал, что будет дальше – или его прикончат, или обстоятельства переменятся. И ведь переменялись – появилась я и предложила вместе сбежать. Правда, сначала Фейну пришлось меня к этому подтолкнуть.

И теперь Фейн решил, что мы предпримем побег во что бы то ни стало, несмотря на опасности. Да, он признаёт, что нас обоих могут убить, но его такие мелочи не смущают.

Нравится мне этот парень. Станный, конечно, но из-за этого его только больше защищать хочется.

– Надо поговорить.

Чарн отрывает от кости кусок мяса и суёт в рот. В последнее время нас стали кормить получше – видимо, производительность труда увеличить хотят или опять какой-то эксперимент затеяли. Чарн делает вид, будто ему хоть бы что, а сам чуть до потолка не подскочил.

Нерейт сидит на скамье напротив. Те двое, которых я побила, исчезли. Их забрали, и с тех пор они не возвращались. Не знаю, что с ними стало, да и знать не хочу.

– Ну как, нравится? – спрашиваю у хааду про еду.

Тот презрительно кривится, показывая клыки. Хааду приготовленное мясо терпеть не могут.

– Хочешь говорить – говори, – не выдерживает Чарн.

Наклоняюсь к нему и кожей чувствую, как он трясётся.

– Наедине.

Чарн задумывается, как поступить. Но он не может показать, что боится меня. Чарн встаёт, и мы направляемся к столу, где почти никого нет. Все охранники в столовой нас видят, да и заключённые тоже. Садимся друг напротив друга, подальше от остальных.

Синяки под глазами у Чарна почти сошли. Только жёлтые следы остались. Он намного крупнее меня, но нервно жуёт проколотую нижнюю губу и тербит кольца языком. Лысина вспотела, но это, наверное, от жары.

– Чего тебе? – мрачно и нетерпеливо бросает он. Я заставила его пойти со мной. А значит, преимущество за мной.

– Нужна помощь, – говорю я. Это мне даётся легко. Излишками гордости не страдаю, так что бороться с собой не приходится.

Жду, что Чарн рассмеётся, но он совершенно серьёзен.

– Какая помощь?

На секунду запинаюсь. Была не была, доверюсь ему. Другого выхода нет.

– С побегом.

Чарн сразу оживился. Начал обдумывать перспективу.

– Я с тобой, поняла? – наконец выдвигает он условие. – Или я тоже убегаю, или думать забудь.

– Ладно, только больше никого с собой не брать, – отвечаю я. – Хоть одной живой душе проболтаешься – всё сорвётся.

Чарн оглядывается на своё место за столом. Нерейт внимательно наблюдает за нами.

– Ещё кто-нибудь бежит?

– Фейн.

Замечаю выражение его лица и прибавляю:

– Не бойся. Его племя зла не держит.

Чарн внимательно смотрит на меня. Глубоко задумывается. Он и сам знает, что здесь нас ничего хорошего не ждёт. Бунты в тюрьме случались, но заканчивались всегда одинаково – резнёй. Так что это бесполезно. Гурта контролируют нас при помощи тяжёлого труда и навязанного распорядка. Люди надеются, что в конце концов их освободят. Некоторые стараются быть полезными для гурта, надеясь, что те пощадят их. Вот так и живём.

Чарн – далеко не дурак.

– План у тебя есть? – спрашивает он.

Наклоняюсь ближе. Говорим тихо, почти шепчем.

Никто не услышит.

– Кузница.

– Что – кузница?

– В каждую смену надзиратель совершает обход кузницы в одно и то же время. Входит через металлическую дверь под потолком.

– Знаю. Видел.

– Надзиратель запирает её за собой, всё осматривает, потом возвращается и опять запирает дверь.

– Ну и что? – торопит меня Чарн. – Делать-то что собираешься? Ключ украсть?

Я киваю.

Чарн презрительно хмыкает:

– Думаешь, ты первая додумалась? Не так-то это просто. Ключ у него в мешочке на поясе, и охранник за надзирателем по пятам ходит. Полезешь ему в штаны – извини за выражение, – тебе руку отрежут.

– Всё продумано. Ещё вопросы есть?

На лице у Чарна читается сомнение. Не верит, что я справлюсь.

– Ладно. А вот что ты с другой проблемой делать будешь? Ну, обойдёт надзиратель кузницу, захочет дверь открыть, а ключа нет!

– Всех обыщут. Если не найдут, решат, что его просто хорошо спрятали. Тогда начнут нас убивать, пока кто-нибудь не признается. Если все будут молчать, решат, что ключ всё-таки никто не брал, он просто потерялся. Поменяют замки, и вся история.

– Угадала, – передразнивает меня Чарн. – Не слишком верится.

– Но всего этого не случится. Когда надзиратель будет возвращаться, ключ снова окажется в мешочке.

Теперь Чарн смеётся в голос. Смех у него резкий, отрывистый. Проводит по лицу рукой, наваливается на стол.

– Значит, хочешь стащить ключ, а потом положить его обратно до конца обхода?

Смотрю Чарну в глаза. Пусть моя уверенность передастся

ему.

– Допустим, у тебя каким-то чудом получится. Польза-то от этого какая?

– Ты сделаешь слепок ключа.

Тут Чарн понимает, зачем он мне понадобился. И тут вижу в его глазах робкий проблеск. Надежду.

– Ничего не выйдет, – произносит он вслух. – Стало быть, ключ надо вытащить в самом начале обхода. Потом ты непонятно каким образом должна незаметно подобраться ко мне, чтобы его отдать. Нас, кузнецов, хорошо охраняют. Не замечала?

– Замечала. И это я тоже учла.

– Слепок незаметно снять – не проблема, это я могу. Даже тебе его отдать сумею. Но тебе же опять надо будет через всю кузницу пробираться, чтобы положить ключ обратно...

Чарн глядит на меня, как на сумасшедшую.

– Шансов ноль. Да и времени не хватит.

– Всё получится, – настаиваю я. – А если нет – накажут меня, а ты будешь ни при чём.

– Они мне доверяют, – бормочет Чарн. – У меня репутация послушного. Знаешь, сколько времени потратил, чтобы их убедить?

– Ну и что, всё равно от тебя рано или поздно избавятся, – убеждаю его я.

Чарн качает головой:

– Нет, я им нужен. Молотом по мечу бить любой идиот

может. И распорки делать, и снаряды для осколочной пушки. А таких, как я, наперечёт. Я мастер. Хорошие мечи умею делать, детали всякие сложные и всё в таком роде. Они меня ценят.

– Ну, раз тебе тут так нравится, оставайся.

– С ума сошла? Но ради глупых затей положением своим рисковать не хочу.

– Помнишь, как я твоих дружков вырубил? – тихо спрашиваю я. Чарн мрачнеет. – Я из Кадрового состава. Нас таким вещам учат, каких ты себе и представить не можешь. Мы – лучшие из лучших. Я диверсант. Могу красть, шпионить, убивать. Всё, что понадобится. В Вейе в самые охраняемые места проникала.

– Я вообще-то слышал про тебя, – медленно произносит Чарн. – Чем ты занимаешься, никто толком не знал, но слухи ходили.

– Всё получится, – решительно повторяю я. – Я смогу.

Чарн смотрит на меня долгим взглядом. Отодвигается и глядит по сторонам. На охранников, на своих друзей, на Фейна, которому сегодня опять приходится есть в одиночестве. Нерейт наблюдает за нами с нескрываемым подозрением. Наконец Чарн упирается локтями в стол и вздыхает.

– Предположим, ключ я изготовил, – говорит Чарн. – Что потом?

Глава 24

С Джутом у меня начинает завязываться нечто вроде дружбы, которую решаю использовать в своих интересах. Он же от этого ничего не получит. Мне очень стыдно, но убеждаю себя – если что-то пойдёт не так, разочарование неудачливого издателя будет меня волновать меньше всего. В любом случае он поймёт.

Джут занимается переработкой вторсырья. Собранные с поля битвы и оставшиеся после стройки куски металла помещают в длинную траншею, там их перебирают, откладывая детали, которые ещё можно использовать. Потом оставшиеся вынимают, складывают в вагонетку и увозят для переплавки.

Как раз с этой свалки начинает свой обход надзиратель Арачи. Чтобы мой план удался, должно пройти как можно больше времени между кражей ключа и возвращением его на место.

Джут вообще-то порядочная тряпка. Стремится всем угодить, а то, что я обратилась именно к нему, воспринимает как знак особенного доверия. Прошу поменяться со мной местами на одну смену и найти кого-нибудь, кто поменяется с Фейном. На самом деле просьба необременительная – поднимать и опускать решётки намного легче, чем копаться в траншее. Предупреждаю – это только на один раз, а не на-

совсем. Вру, что мы с Фейном хотим украсть ценную деталь, чтобы поменяться с другим заключённым. Джут возражает – всех тщательно обыскивают на выходе. Я отвечаю, что это не его забота, и хитро подмигиваю. Уж не знаю, где, по его мнению, я собралась прятать загадочную деталь, но больше Джут вопросов не задаёт.

На свалке нас встречают приветливо, но настороженно. Когда рассказываем нашу легенду, все расслабляются. Даём понять, что знаем, какую вещь брать, и помогать нам не надо. Мне и Фейну выдают плотные перчатки, и больше на нас внимания не обращают. Становимся рядом с траншеей, начинаем перебирать едущую по конвейерной ленте шрапнель и сломанные детали, делая вид, будто поглощены работой.

Свалка располагается прямо у стены кузницы. Над нами возвышается почерневший от дыма камень. За спиной – металлический мост, соединяющий разные части кузницы. По обеим сторонам от него – короткие лесенки. Каждую смену надзиратель выходит, спускается по ним, потом возвращается и переходит по мостику в другую часть. Зачем нужны эти обходы, никто толком не знает. Может, наш надзиратель просто слишком добросовестный и считает, что от обязанностей уклоняться нельзя, даже если от них нет никакой пользы. Тогда понятно, откуда такая пунктуальность.

Стараюсь сдержать нетерпение. Наконец-то я начала действовать. Может, меня и прикончат, зато буду знать, что попыталась. Повторяю в уме мантры чуа-кин, чтобы успоко-

иться, иначе можно натворить глупостей. Нас учили, что в чуа-кин мантры – не самое главное, просто они помогают отвлечься и настроиться, чтобы научиться контролировать собственное тело. Но мне мантры нравятся сами по себе. Есть в них какая-то умиротворяющая размеренность.

Биение сердца замедляется, нервная дрожь проходит. Замечаю, что другие работники складывают в небольшие металлические вёдра винтики, части часовых механизмов, куски труб и всё в таком роде. Начинаю тоже выискивать подобные предметы, чтобы им не пришлось работать за меня.

Сквозь чёрный дым смутно различаю дверь, из-за которой обычно выходит надзиратель. Она находится высоко над кузницей, в середине ряда узких, облепленных сажей окон. От неё к нам спускается прикреплённая к стене зигзагообразная лестница. Представляю, как надзиратель наблюдает за нами из своего кабинета, потом снова садится за стол и возвращается к работе, копается во всяких бумагах и даже не подозревает, что мы затеяли. Гадаю, что нас ждёт за этой дверью и не напрасно ли мы так рискуем.

И тут дверь открывается. Теперь времени на раздумья нет. Появляется Арачи – гордый, с прямой спиной. Вдруг прямо у меня перед глазами над кузницей взлетает облако искр. Когда оно исчезает, надзиратель уже спускается вниз. Куда он положил ключ, не видела. Остаётся только надеяться, что туда же, куда и обычно.

Мы с Фейном переглядываемся. Он показывает зажатый

в руке острый кусок металла. Даже не сомневаюсь – Фейн со своей задачей справится. Теперь остаётся только ждать.

От пота волосы стали влажными. Всё лицо чешется. Свежий пот смывает старый. Даже не помню, когда в последний раз мылась. Ненавижу эту жару. Скучаю по прохладному воздуху Вейи, охлаждаемому плотными каменными стенами. Вот бы оказаться сейчас вместе с Джеем в наших апартаментах. Пусть он наконец пустит свой незаурядный ум в дело. Конструирует механизмы для приготовления целебных средств или измельчения ингредиентов в порошок. Пусть даже военные машины собирает, если захочет.

Но это только красивая мечта, а суровая реальность в том, что мой сын по совершенно надуманным причинам отправился на войну, а я сделала слишком мало, чтобы остановить его. Мне приходилось терять знакомых, коллег и даже близких друзей на поле боя или в результате разборок Плутархов. Но по-настоящему я осознала, что такое потеря, только когда погиб Ринн. Одна мысль о том, что с Джеем тоже может что-то случиться, невыносима.

Арчи спускается всё ниже, и теперь его заслоняет от меня какой-то агрегат. Сейчас к Арчи должен присоединиться эскорт. Во время обходов надзирателя всегда сопровождает один из охранников. А если кого-то из нас будут забирать – человека три-четыре, не меньше. Надеюсь, сегодня не один из таких дней, иначе от плана придётся отказаться. По многолетнему опыту я усвоила – если действуешь исподтишка,

главное – выбрать правильное время. Терпение – первое качество для шпиона.

Готовлюсь бросить в ведро какой-то мусор, и сосед справа шипит:

– Клади обратно! Это же металлолом.

Кидаю железяку обратно в траншею. Не могу сосредоточиться на работе.

Слышу, как по металлической лестнице стучит пара сапог. Значит, охранник один. Стараюсь не поднимать глаз, но не могу удержаться и незаметно наблюдаю за Арачи, когда тот приближается. Длинные белые волосы тщательно расчёсаны и обработаны воском. Даже в жаркой кузнице он старается выглядеть величественно. Но воротник уже намок. Надзиратель вытирает лицо платком. Охранник рядом с ним – совсем мальчишка. Должно быть, нарочно поручили ему самое простое задание. Лицо у парня скупающее. Отлично. Значит, небольшой переполох его только порадует.

Арачи с охранником спускаются в наш закуток, чтобы посмотреть, как мы работаем. Арачи заглядывает в вёдра и одобрительно бормочет – мол, сколько ценных вещей мы нашли. И тут Фейн начинает кричать.

Есть что-то пугающее в том, как Дети Солнца реагируют на боль – громко, искренне, даже не пытаюсь сдержаться. Фейн пятится от траншеи, рука в перчатке сжимает предплечье около локтя. Грязно-белая ткань перчатки начинает окрашиваться красным.

Пошатываясь, Фейн бредёт ко мне, тараторя что-то на своём языке, больше похожем на птичье чириканье.

– Он поранился! – кричу я, будто и так не понятно. Другие заключённые столпились вокруг нас, одни просто смотрят, другие предлагают помощь. Кротко и умоляюще гляжу на надзирателя и его сопровождающего. *Явите милость вашим ничтожным рабам.*

Всё идёт по плану. Охранник, желая впечатлить надзирателя своим служебным рвением, устремляется к нам. Пока он пробирается через толпу, передаю Фейна из рук в руки другому заключённому. В такой неразберихе проще просто-го отойти назад и проскользнуть за спину Арачи. Тот с тревогой наблюдает за разыгравшейся драмой. Видно, беспокоится, как подобный инцидент отразится на нём. А то, что тут людей постоянно убивают, его, видимо, не смущает. Арачи вообще ведёт себя так, будто надзирает за рабочими на фабрике, а не за заключёнными, которых заставляют трудиться в принудительном порядке.

Мешочек свисает с пояса. Арачи даже не завязал его как следует.

Когда лезешь кому-то в карман или в сумку, главное – уверенность. Надо действовать быстро, легко и точно. Мне приходилось проделывать эту процедуру десятки раз. Из них меня поймали всего дважды. Сую руку в мешочек и мгновенно выдёргиваю её. Ключ средних размеров, изготовлен из какого-то прочного металла и украшен резьбой. Прячу его в руке

и мгновенно отступаю. Даже удивительно – стоит чуть-чуть отвлечь человека, и тот уже ничего вокруг не замечает.

Снова протискиваюсь в гущу толпы. Кто-то оторвал кусок ткани от рукава Фейна и наматывает на повреждённую руку в качестве бинта.

– Надо его к врачу-офтальмологу отвести. Пусть рану зашьёт.

– Я отведу! – вызываюсь я, подходя к ним. – Я его знаю.

Никто не спорит. Все довольны, что есть на кого спихнуть неприятную обязанность. К тому же работники они опытные и рады возможности избавиться от двух криворуких новичков.

– Обратитесь к дежурному офицеру, – говорит охранник по-гуртски. – Он рядом с плавильней.

Делаю непонимающее лицо, и надзиратель повторяет то же самое на плохом эскаранском.

Перебрасываю руку Фейна через плечо – мы почти одного роста – и тащу его к лестнице. Фейн старательно изображает слабость, обмякает и виснет на мне. Надзиратель Арачи слегка отпрянул. Похоже, боится вида крови.

Поднимаемся наверх и идём по настилу, пока не скрываемся с глаз надзирателя. Там прячемся за двумя огромными баками, частью системы отстойника. Фейн сразу перестаёт изображать умирающего.

– Ты как, нормально?

– Не бойся, не подведу.

– Сильно ты себя порезал.

– Не рассчитал немного.

На разговоры нет времени. Надо спешить.

Между нами и кузнецами пролегает лабиринт траншей. Стараемся перемещаться только по ним, пригнувшись пониже, чтобы охранники не заметили. Когда те идут мимо, останавливаемся, садимся на корточки и ждём, пока они не уйдут. В озарённой отсветами пламени и золотистым сиянием руды темноте силуэты охранников напоминают призраки. Если всё-таки заметят, скажем, что у нас уважительная причина – ранение Фейна. Но тогда нас и правда отошлют к дежурному офицеру, совсем в другую сторону. К Чарну податься не получится. Тут никакие отговорки не помогут.

Но несмотря на дым и огромные размеры кузницы, пройти через неё так, чтобы тебя ни разу не заметили, невозможно. Заключённые в защитных масках глядят на нас из-за линз. Все, кто работает в такой экстремальной жаре, одеты в жаронепроницаемую кожаную одежду. Проносимся мимо ещё одной траншеи с отходами, вроде той, на которой работаем сами, потом мимо пресса, с оглушительным шипением превращающего металл в тонкие листы. Но заключённым и в голову не приходит нас задерживать. Никто здесь не донесёт охранникам, даже если увидит нечто совсем уж подозрительное. Все мы разные, но нас объединяет одно общее чувство – ненависть к гурта.

Когда добираемся до кузнецов, импровизированный бинт Фейна успевает промокнуть насквозь, и теперь кровь стекает

по руке. Трудно сказать, много её или не очень. При таком освещении на тёмной коже рассмотреть это почти невозможно. Начинаю беспокоиться всерьёз. Это Фейн придумал пораниться, чтобы всех отвлечь. Как представляю, что он может умереть ради моего плана... Нет, об этом лучше не думать.

Вот и не думай, говорю себе. А теперь за дело.

Кузнецы работают на приподнятой платформе, в густой тени от гигантских агрегатов. Всего их четверо, Чарн и трое других. У каждого своя наковальня, молот и траншея с водой. В тюрьме часто шутят, что кузнецы ставят себя выше всех, но на самом деле они работают на возвышении, потому что так охранникам удобнее за ними следить. А то как бы заключённый не припрятал выкованный кинжал, чтобы потом пустить его в дело.

С кузнецов не сводят белёсых глаз двое часовых. Я знаю обоих, это Бал и Даки. Бал – тихоня, за это другие охранники над ним посмеиваются. А Даки известен тем, что постоянно ноет.

Чарн явно нервничает, на работе сконцентрироваться не в состоянии. Задействовать его – лишний риск, но другого пути нет.

Похлопываю Фейна по плечу, давая понять, что пора действовать. Фейн обходит платформу и оказывается с противоположной стороны. Шагает в проход, а я пока подбираюсь ближе к Чарну, стараясь, чтобы никто меня не заметил. Тут Фейн начинает кричать и звать на помощь. Он снова поль-

зуются своей раной, чтобы отвлечь охранников. Делает вид, будто поранился только что. Охранники смотрят на Фейна. Даки медлит, переводя взгляд с него на кузнецов. Не решается покинуть пост. Но даже гурта не может просто смотреть, когда человек истекает кровью у него на глазах.

Даки спрыгивает с платформы и бежит к Фейну. Бал приближается к краю и наблюдает за происходящим, но никуда не уходит.

Впрочем, на такую удачу мы и не рассчитывали.

Чарн предупреждён и теперь высматривает меня. Машу рукой. Чарн неуверенно оглядывается на Бала, но я не даю ему шанса струсить и бросаю ключ.

Вот она, самая слабая часть моего плана. Но ближе подходить тоже нельзя, слишком рискованно.

В кузнице темно, да и Чарн особой ловкостью не отличается. Ключ выпрыгивает у него из рук и падает с довольно громким стуком. Чарн быстро опускается на колени и начинает шарить по полу. Бал уже почти обернулся на звук, но тут Фейн рухнул прямо под ноги подбежавшему Даки. Бал решает, что это зрелище поинтереснее.

Чарн подобрал ключ, но всё ещё медлит. Сердитыми жестами приказываю ему браться за дело, и он подчиняется. Уж не знаю, в чём он там собрался делать слепок. Наверное, в мягком металле или какой-нибудь глине. Он всё мямлил насчёт того, что эту штуку необходимо довести до определённой температуры, иначе слепок получится нечёткий. Но сей-

час Чарн справляется быстро. Я даже не ожидала. Два твёрдых нажатия, чтобы ключ отпечатался с обеих сторон, – и готово.

Бал, ни о чём не подозревая, мельком глядит на кузнецов и продолжает следить за Фейном и Даки. Облегчённо вздыхаю. Другой кузнец, ушлый тип по имени Рельк, с интересом наблюдает за нашими действиями. Ну, с этим ничего не поделаешь. Чарн, на всякий случай оглядевшись по сторонам, бросает ключ мне. Тут я начинаю его понимать – оказывается, и правда трудно поймать маленький, тусклый предмет, да ещё и в таком дыму. Но мне это каким-то чудом удаётся.

Теперь ухожу. Фейн свою роль сыграл. Чарн будет делать ключ, для этого я ему не нужна. У меня свои дела есть.

Одна передвигаюсь намного быстрее. Несусь через кузницу. Заключённые сообразили – я что-то задумала, но это ничего. Они не выдадут. Вот охранникам попадаться на глаза нельзя. Если поймают, устроят показательную казнь, чтобы другим неповадно было.

Замечаю охранника буквально за секунду до того, как тот поворачивается в мою сторону. Но мне и этого хватает. Замираю и распластываюсь по металлической стенке контейнера для минералов. Тот всматривается в проход между контейнерами, гадая, действительно он видел какое-то движение или ему померещилось. Решает, стоит ли пойти проверить.

Секунды кажутся вечностью.

Наконец охранник шагает дальше. С облегчением выдыхаю. Благоразумнее всего дожидаться, пока он отойдёт на большое расстояние. Но проблема в том, что времени у меня нет. Едва охранник оказывается вне пределов слышимости, и я сразу же вылезая из траншеи с другой стороны. Направляюсь к печам. Их надзиратель Арачи осматривает последними. Да, слишком много времени потрачено зря. Может, Чарн всё-таки прав, и мы пытаемся сделать невозможное.

Наконец добираюсь до места, и сердце падает.

Сегодня обход завершается быстрее обычного. Вижу, как Арачи шагает прочь. Выхожу из тени и вижу его удаляющуюся спину. Охранник шагает следом, будто нарочно преграждая доступ к мешочку. Единственный способ положить туда ключ – подбежать и запихнуть у всех на глазах. Лихорадочно соображаю, что предпринять, а надзиратель неумолимо приближается к лестнице. Но на ум, как назло, ничего не идёт.

Тут замечаю Нерейта. Безволосый, мокрый от пота хааду замер, воткнув лопату в гору угля. Он меня увидел. Наши глаза встретились. Не пойму, что выражает его взгляд. Вдруг Нерейт выдёргивает лопату и зачерпывает сверху побольше угольной пыли. То, от чего он меня предостерегал, когда я работала с ними.

Нерейт бросает пыль в печь, и наружу вылетает столб огня. Остальные с испуганными криками шарахаются от обжигающего облака, закрывая руками глаза. Один увернуться не успел. Он падает и начинает кататься по земле, крича и ру-

гаясь. Огонь исчезает так же быстро, как и появился, больше никому вреда не причинив, но надзиратель с охранником уже торопятся обратно. Охранник, довольный, что ему наконец есть чем заняться, спешит на помощь. Врачи в нерешительности замирает – с одной стороны, надо что-то делать, с другой, не хочется портить тщательно созданный горделивый образ. Вижу, сегодняшним обходом он недоволен. Целых два несчастных случая. Для Врачи это настоящая катастрофа.

Он не замечает, как я подкрадываюсь к нему со спины и прячу ключ обратно в мешочек. Возвращать вообще намного проще, чем забирать.

Обожжённого мужчину уводят. Некоторые заключённые начинают ругать Нерейта, тот отбивается. Надзиратель бормочет что-то насчёт усовершенствования правил безопасности, а охранник уже представляет, как будет рассказывать приятелям о своих приключениях. Но я уже далеко. Возвращаюсь на свалку. Глупо получится, если после всего меня поймут сейчас. Нерейта благодарить ни к чему. Ему не «спасибо» моё нужно.

Нерейт догадался. Понял, что я задумала, и помог. Спрашивается, зачем? Ответ очевиден – он хочет бежать с нами. И ведь добился своего. Хитрый, гад.

Выходит, теперь нас уже четверо.

Глава 23

Без практики умудрилась позабыть самое главное правило шпионажа. Ни в коем случае нельзя недооценивать окружающих. Пока говорила с Чарном, Нерейт глаз с нас не сводил. Я думала, он гадает, что мы обсуждаем. На самом деле всё оказалось гораздо проще. Нерейт читал по губам.

Вчетвером сидим в тени камеры. Наши спины образуют тесный круг, давая понять остальным, что компания нам сейчас не нужна. Снизу льётся тусклый свет, отбрасывая тени на наши лица. Неровные стены пещеры покрыты влажными каплями. Воняет потом и дерьмом.

Чарн протягивает мне сжатую в кулак руку. Незаметно беру у него спрятанный предмет. Прохладный, тяжёлый ключ. Разглядываю его, стараясь, чтобы со стороны ничего не было заметно. В изяществе ключ уступает первоисточнику, но функционально всё, кажется, в порядке. Ключ совсем простой, на шейке никаких украшений, да и бородка немного непропорциональная. Но это ерунда, главное, чтобы зубцы совпадали. Учитывая обстоятельства, сработал Чарн неплохо.

– Как ты его вынес из кузницы?

– Меня толком и не обыскивают. Доверяют. Спрятал во рту, и все дела.

Внутренне содрогаюсь. Разве можно так рисковать? Сто-

ило кому-то заговорить с ним, и мы пропали. Говорила же я ему, чтобы в задницу засунул. Но Чарн сразу оскорбился. Интересно. Значит, меня насиловать – это в порядке вещей, а тут сразу брезгливым заделался.

Вслух ничего не говорю. Какой теперь смысл возмущаться? Главное, Чарн принёс ключ. Прячу его в потайном кармане, замаскированном в ремне брюк как раз для таких целей. Даже если меня прохлопывать начнут, ключ никто не нащупает. Впрочем, таких малоценных работников, как я, всё равно не обыскивают.

Фейн ещё слабоват, но руку ему зашили. Меня немного беспокоит, что парню пришлось отправиться к этим мясникам. Ни к чему лишний раз привлекать внимание, а то как бы не надумали его поподробнее изучить.

– Мы уже совершили невозможное, – говорю я. – Если не будем терять голову – выберемся отсюда в два счёта.

– Может, расскажешь, в чём конкретно заключается твой план? – произносит Нерейт. Голос его звучит очень низко, будто утробное рычание загнанного в угол зверя.

– Скоро узнаешь, – отвечаю я. – Перед тем как что-то предпринимать, хочу убедиться, можно ли вам всем доверять. Чем больше участников, тем больше вероятность, что кто-нибудь испортит дело.

Нерейт ловит намёк на лету. Насчёт его я не уверена. Ха-аду поставил меня в затруднительное положение. Он спас всю операцию, и теперь я ему обязана. Если откажусь брать

Нерейта с собой, он может нас заложить. Некоторые заключённые идут с охранниками на сделки – предоставляют нужную информацию взамен на выгоды для себя. Правда, те, кто этим увлекается, подолгу не живут. Вечно с ними что-то случается. Но отчаянные обстоятельства могут заставить и на предательство пойти. А что за человек этот хааду, я так и не разгадала. Кто знает, чего от него ждать?

– Я про тебя слышал, Массима Лейтка Орна, – говорит Нерейт. – А ты слышала про Серебряного. Верно?

А вот это уже любопытно.

– Верно.

– Я не слышал, – вклинивается Чарн. Он не любит, когда говорят о непонятном.

Нерейт жестом предлагает мне ответить на вопрос.

– Насколько знаю, постоянно он живёт за пределами Вейи, но у этого человека везде своя сеть. Он очень скрытен. Никто его не видел. Все контакты – через подручных.

– Этот человек есть преступник? – со своей фирменной умильной наивностью уточняет Фейн.

– Преступник, деловой человек... В моей родной стране это одно и то же, – отвечаю я. – В криминальном мире Вейи Серебряный – легендарная личность, – оглядываюсь на Нерейта. – Без лишней надобности его имя помянуть небезопасно.

– Согласен, и впрямь неразумно, – кивает хааду. – Но думаю, Серебряный сочтёт, что дело того стоило, ведь это по-

может одному из его людей бежать из плена.

– Ты работаешь на него?

– Собираю информацию, – подтверждает Нерейт. – Почти как ты, Орна, только моя работа не такая активная. Я своего рода шпион. Мне платят за то, чтобы наблюдал и слушал. Серебряному важно знать, что происходит в Хааде, да и в других частях Каллеспы. Вот я и собираю для него сведения.

– Как же ты тогда в плен попал?

– По пути в Вейю меня захватил гуртский разведывательный патруль. Я должен был сообщить очень важную информацию и не мог доверить её посыльному.

Нерейт скалится. Предполагаю, это означает досаду. Но точно сказать не могу.

– Но теперь мои новости никому не нужны. Срок годности у них прошёл.

– А что гуртский патруль делал на пути между Хаадом и Вейей? В тех местах боевые действия не ведутся.

– Что может делать разведывательный патруль? – с самым невозмутимым видом пожимает плечами Нерейт. – Разведывали, наверное.

Некоторое время разглядываю его. Решаю, как быть. Нерейт пользуется моментом.

– По-моему, у нас несколько главных трудностей. Для начала надо выбраться из тюремной части форта. Об этом ты позаботилась. Ты ведь собираешься проникнуть в кабинет к надзирателю, пока тот совершает обход, и оттуда продви-

гаться дальше?

Киваю. Об этом бы и ребёнок догадался.

– Надзиратель выходит через эту дверь, только когда идёт в кузницу. Время нашей работы постоянно меняется, но мы ни разу не видели, чтобы он направлялся отсюда куда-то ещё. Из чего можно сделать вывод, что в кабинете есть еще одна дверь. Судя по плану устройства тюрьмы, почти уверена, что оттуда можно попасть в другую часть форта.

– Согласен, – произносит Нерейт. – И вот тут мы сталкиваемся со второй трудностью. Нужно пройти через форт так, чтобы нас не заметили. Ты, конечно, шпионка ловкая, но такое даже тебе не под силу. Есть два пути – либо каким-то образом раздобыть план форта, либо замаскироваться. Гуртская женщина из тебя не получится, цвет кожи и глаза сразу выдадут. А вот если прикинешься эскаранской рабыней...

– Один учёный сказал мне, что у них тут работают служанки из Эскарана, – киваю я. Уже собираюсь сказать, что слышала, как об этом говорили охранники, но вовремя останавливаюсь. Давняя привычка велит не разглашать важную информацию без лишней надобности. Моим сообщникам во все не обязательно знать, что я понимаю по-гуртски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.